

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

Приложение 2

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

БЮЛЛЕТЕНЬ (NEWSLETTER)

Приложение 2

**Архивные материалы
по истории взаимоотношений
России и Турции XVIII – XIX вв.
(Выпуск 1)**

**Москва
ИВ РАН
2005**

ББК 63.2; 22.18
Б45

Ответственный редактор Д.Д. Васильев

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев,
Р.Б. Рыбаков (председатель),
И.М. Стеблин-Каменский,
И.Г. Галяутдинов, Ю.В. Псянчин,
А.А. Столяров (секретарь),

Б45 **Бюллетень Общества востоковедов. — Приложение 2: Архивные материалы по истории взаимоотношений России и Турции XVIII – XIX вв. (Выпуск 1) — М.: Институт востоковедения РАН, 2005. — 82 с.**

ISBN 5-89282-110-2

В настоящем сборнике публикуются материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота. Они показывают отношение России к событиям в Черноморском и Средиземноморском бассейнах в период русско-турецкого противостояния XVIII – XIX вв. и интересны тем, что являются не официальными документами, а содержат эмоциональные, человеческие оценки описываемых событий.

ББК 63.2; 22.18
Б45

ISBN 5-89282-110-2

© Институт востоковедения РАН, 2005
© Общество востоковедов РАН, 2005
© А.Д. Васильев, 2005
© О.М. Игнатова, 2005

С о д е р ж а н и е

От редактора	5
О.М. Игнатова	7
Первые научные описания Крымского полуострова российскими мореплавателями XVIII в.: неизвестные страницы	
А.Д. Васильев	35
Записки мичмана Николая Клемента «Год в плену у турок 1807 года»	

От редактора

В «Бюллетенях» Общества востоковедов РАН публикуются отчетные материалы о деятельности общества и информационные сообщения о конференциях, выставках и других научных мероприятиях, проводимых востоковедами России. Кроме этого, публикуются «Приложения» к Бюллетеням ОВ РАН, которые содержат персоналии и дневники отечественных востоковедов и лиц, чья жизнь и судьба оказались связанными с Востоком. Специальные выпуски Приложений могут быть посвящены описанию восточных рукописных, музейных и библиотечных фондов; библиографическим указателям; небольшим по объему письменным памятникам на восточных языках или фрагментам текстов.

Среди подобных изданий можно назвать уже вышедшие: с дневниками востоковеда С.А. Кондратьева, указатель специальных изданий Института востоковедения РАН, описание фонда восточных рукописей из Калмыцкого Института гуманитарных исследований, фрагменты переводов Лю Мао-цзя из китайских летописных хроник танского времени. В настоящем сборнике публикуются материалы, объединенные как тематически, так и хронологически. Публикуемые источники хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота. Несмотря на то, что описываемые в них события не связаны между собой, они показывают отношение России к событиям в Черноморском и Средиземноморском бассейнах в период русско-турецкого противостояния XVIII – XIX вв. и интересны тем, что являются не официальными документами, а содержат эмоциональные, человеческие оценки описываемых событий. Именно так и следует оценивать представленную в сборнике

первую публикацию дневника русского морского офицера, побывавшего в самом начале XIX в. в османском плену и эмоционально поведавшего соотечественникам о своих впечатлениях.

В ближайшее время в серии Приложений к Бюллетеню ОВ РАН предполагается выпустить описание фонда восточных рукописей Тувинского института гуманитарных исследований, био-библиографический указатель десятилетнего цикла «Бартольдовских чтений», новый вариант перевода и оригинальное толкование древнетюркского письменного памятника – «Гадательной книги». Мы ждем новых предложений.

Бюллетени и Приложения распространяются бесплатно среди членов Общества востоковедов РАН.

**Первые научные описания Крымского
полуострова
российскими мореплавателями XVIII в.:
неизвестные страницы**

Иван Михайлович Берсенева – военный мореплаватель и исследователь Крымского полуострова, имя которого стоит в ряду таких знаменитых ученых-путешественников Крыма XVIII в., как В.Зуев, К.И. Габлиц, П.С. Паллас.

Наиболее известным фактом его биографии является морская экспедиция к берегам Черного моря, результатом которой стало основание города и порта Севастополь.

В 1782 г. по распоряжению Екатерины II к Крымскому полуострову был направлен фрегат "Осторожный" под командованием капитана 2-го ранга И.М. Берсенева с целью выбора места расположения гавани у юго-западного побережья полуострова для базы Черноморского флота. Экипаж фрегата, возглавляемый И.М. Берсеньевым, изучил побережье Черного моря. 17 ноября 1782 г. русский фрегат "Осторожный" вошел в Ахтиарскую бухту, которая в числе прочих бухт впервые была обследована с морской точки зрения. Ахтиарская бухта так описывалась в те времена: "берега были пустынные, все место было дико и покрыто мелким дровяным лесом и кустарником, только на северном берегу разместилось татарское селение из 7-9 мазанок под названием Ак-Яр (Белый Утес)"¹. По имени этого поселка и бухта долгое время называлась на российских картах Ахтиарской.

Фрегат "Осторожный", под командованием И.М. Берсенева и фрегат "Храбрый" первыми из русских кораблей остались у Ак-Яра на зимовку. Матросы построили для себя в балке, впоследствии названной Сухарной, небольшую казарму, вырыли четыре колодца. В соседней балке провели килевание фрегатов - наклонили их на борт для очистки днища и киля от выросших ракушек и водорослей. Место, где происходило килевание, впоследствии получило название "килен-балка". В течение зимы экипажи кораблей промерили глубины Северной и Южной бухт, составили их описание и карты. По берегам бухт обнаружили много ключей и колодцев. Завершив обследования бухты, в апреле 1783 г. Иван Михайлович Берсенов подал рапорт в Черноморское адмиралтейское правление, в котором как наиболее удобная для базы Черноморского флота, была указана бухта у поселка Ахтиар. Сначала здесь были произведены действия по созданию береговой и противодесантной обороны. В середине апреля 1783 г. на берега бухты прибыл гренадерский батальон, а в конце апреля - Капорский и Днепровский полки и полевая артиллерия. Войска построили казармы и склады ("Ахтиарский магазин"), начали укреплять берега гавани. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли 11 кораблей Азовской, а затем 17 кораблей Днепровской флотилии. Черноморский флот впервые сосредоточился в своей новой главной базе. Корабли разместились в Южной бухте, которую признали наиболее безопасной. Рекомендованная И.М. Берсеновым Ахтиарская бухта, 6 мая того же года была лично осмотрена и одобрена командующим флотом вице-адмиралом Ф.А. Клокачевым*. Вот что Ф.А.Клокачев писал вице-президенту Адми-

* Клокачев Федот Алексеевич (1732-1783гг.). - вице-адмирал Зачислен в академию морской гвардии 29.03.1745 г. Окончил её в 1751 г. В 1747 - 1753 гг. находился в составе Балтийского Флота. В 1751 г. произведен в мичманы. Унтер-лейтенант с 20.08.1754 г. В 1755 г. командует пакетботом "Лебедь". 27.03.1757 г. назначен корабельным секретарем. 21.01.1758 г. получил звание лейтенант. Участник Семилетней войны, капитан-лейтенант с 30.04.1762 г. Командир пакетбота "Курьер". С 20.04.1764 г. в

ралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, члену Академии наук: "При сем не премину я Вашему сиятельству донести, что при самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ее с моря положению; вошедши и осмотревшись, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани - положением, величиной, глубиной. Можно в ней иметь флот до 100 линейных судов, ко всему же тому природа устроила лиманы, что сами по себе разделены на разные гавани, то есть - военную и купеческую. Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша. Ныне я принялся аккуратню сию гавань и положение ее места описывать и, коль скоро кончу, немедленно пришлю карту. Ежели благоугодно будет Ея Императорскому Величеству иметь в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно здесь будет завести порт, как в Кронштадте"². 13 июля 1783 г. карту отослали в Адмиралтейств-коллегию, там на ее основе принялись разрабатывать планы будущего города. А пока в Петербурге готовили планы города, 3 июня 1783 г. на западном берегу Южной бухты моряки заложили три первых каменных дома:

звании капитан 2 ранга. С 03.05.1764 г. командир корабля "Город Архангельск". Привел в 1765 г. из Архангельска на Балтику фрегат "Надежда". С 17.04.1766 г. капитан 1 ранга. С 1768 г. командует фрегатом "Северный орел" в составе практической эскадры А. Н. Сенявина. Командир 2-го батальона 2-й дивизии в Кронштадте с 22.01.1769 г. С лета того же года командир линейного корабля "Европа" в составе Средиземноморской эскадры Г.А. Спиридова. Участвует в блокаде Дарданелл, в нападениях на крепости Пелари и Митилена. В 1772 г. командующий практической эскадрой Балтийского Флота. С 07.06.1776 г. капитан генерал майорского ранга и контр-адмирал с 11.07.1776 г. С 19.07.1776 по 1780 гг. командует Азовской флотилией и портами Азовского моря. Начиная с 1778 г. ведет патрулирование крымского побережья. 13.02.1780 г. уходит в двухлетний отпуск по состоянию здоровья. В 1783 г. первый главный командир флота и портов Черного и Азовского морей в звании вице-адмирала. В мае 1783 г. перевел суда Азовской флотилии в Ахтиарскую бухту. Положил начало Черноморскому Флоту. Организовал строительство боевых кораблей в Херсоне. Скончался в Херсоне во время чумной эпидемии в 1783 г.

часовню, кузницу для Адмиралтейства и дом для контр-адмирала Ф.Ф.Макензи*. В южной части гавани, на Николаевском мысу, начали строить деревянный шлюпочный причал и лестницу - будущую Екатерининскую, затем Графскую, пристань. Этот день - 3 июня† - стал днем основания города. В честь данного события в 1783 г. была отлита медаль "Польза России". Первоначально город назывался Ахтиар, по имени прибрежного татарского селения Ак-Яр. 10 февраля 1784 г. Екатерина II издала указ, которым узаконила рождение нового города и повелела основать военный порт с адмиралтейством, верфью, крепостью и сделать его военным городом с новым именем - Севастополь, что в переводе с греческого значит "Город славы".

Открытие стратегически важного и удобного места для основания военного города и порта Севастополь, является важ-

* **Макензи Фома Фомич** - контр-адмирал. В 1766 г. командуя палубным ботом ходит из Кронштадта в Любек. В 1767 г. служил на брандвахтенном фрегате "Ульриксдал" (Кронштадтский рейд). В 1768 г. плывал на пинке "Венера" (Архангельск-Кронштадт). Лейтенант на корабле "Не тронь меня" с 30.07.1769 (Кронштадт - Портсмут). В 1770 г. на корабле "Святослав" переходит из Портсмута в Средиземное море. Участвует в сражениях при Наполи-ди-Романи и Чесменском. Командовал брандером в Чесменской бухте. По болезни, возвращается в Петербург (сушей) из Триеста. В 1772 г. на корабле "Григорий Орлов" вторично приходит на Средиземное море и плавает там до 1775 г. Возвращается в Кронштадт. Присвоено звание капитан 2 ранга. В 1776 г. руководит группой фрегатов при перегонке из Архангельска в Кронштадт. Получает звание капитан 1 ранга 21.04.1777 г. Командует кораблем "Дерис". Ходит на нем в Лиссабон (1780-1781 гг.), на обратном пути зимует в Портсмуте. С 01.01.1782 контр-адмирал с получением направления на Черноморском Флоте. Второй (после Ф.А.Клокачёва) командующий Черноморским Флотом. С 8 мая 1783 г. возглавил Черноморскую эскадру вместо отбывшего в Херсон Ф.А. Клокачева. В 1783-1786 гг. командир Севастопольского порта. В 1784 г. впервые выводит в море Севастопольскую эскадру, держа флаг на фрегате "Крым". В 1785 году привлечен по следствию о растратах казенных средств. Скончался в Севастополе 10.01.1786.

† 14 июня по новому стилю

ным и в достаточной мере освещенным в исторической литературе фактом, но это - далеко не единственный вклад И.М. Берсенева в историческое и географическое изучении Крымского полуострова. После присоединения Крыма к России в 1783 г., И.М. Берсенев был в числе первых русских мореплавателей и путешественников XVIII в., которые побывали в Крыму и составили подробное описание внутренней и прибрежной частей полуострова, географические и морские карты.

8 апреля 1783 г. был издан манифест Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, Тамани и Кубани к России. 28 июня указом Екатерины II все население Крыма стало российскими подданными. Одной из первых задач, после присоединения Крыма к России, было подробное описание и детальное изучение новых земель. Во главе решения этой задачи, Екатериной II, был поставлен князь Г.А.Потемкин*, как Новороссийский Генерал-губернатор Крыма. В Крыму было создано земское правительство под общим руководством начальника войск, расположенных в Крыму ба-

* **Потёмкин-Таврический Григорий Александрович** (13.09.1739 – 05.10.1791), государственный и военный деятель. Граф с 1774 г., князь с 1783 г. В 1756-60 гг. обучался в гимназии при Московском университете, из которой был исключен. Служил в Семеновском полку и был одним из участников дворцового переворота 1762 г. Вскоре после этого получил чин поручика, затем стал камергером. Когда началась Русско-турецкая война (1768-74 гг.), возвратился на службу в армию. Военная карьера складывалась успешно: в 1768 г. в чине генерал-майора, в 1771 г. в чине генерал-поручика участвовал в сражениях под Фокшанами, Ларгой, Кагулом. В 1774 г. был вызван в Петербург, произведен в генерал-аншефы, назначен вице-президентом Военной коллегии, возведен в графское достоинство, стал фаворитом Екатерины II. В 1774 г. участвовал в организации мероприятий по подавлению бунта Е.И. Пугачева, в 1775 г. в ликвидации Запорожской Сечи и ее войска. В 1776 г. был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. После присоединения Крыма к России в 1783 г. получил титул князя и наименование “Таврический”. В 1784 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы и президенты Военной коллегии. В 1787-91 гг. командовал русской армией.

рона О.А. Игельстрома^{*}. Г.А. Потемкин поручил барону О.А. Игельstromу составить подробное описание Крымского полуострова. В ответ на данное требование в июне 1784 г. барон О.А. Игельstrom представил Потемкину целое "Камеральное Описание Крыма"³. В "Камеральном описании Крыма" были собраны сведения о количестве всех христианских церквей; о числе всех христианских и татарских деревень, и разделении их по каймаканствам[†], и кадылыкам[‡], о собираемых налогах и

^{*} **Игельstrom Осип Андреевич** (1737-1817 гг.) — барон, а затем и граф, сын лифляндского дворянина. Послужного списка Игельstromа не обнаружено, но известно, что в 1762 г. был произведён в подполковники. Служил в Польше под начальством князя Репнина, участвовал в предотвращении беспорядков. В 1767 г. полковник Игельstrom был деятельным помощником при аресте и высылке из Польши епископа Солтыка, архиепископа Львовского, епископа Киевского Залусского и воеводы Краковского Ржевусского. С началом русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) находится в действующей армии. Его имя часто упоминается в штабных документах того времени. За взятие Ясс, Измаила, Аккермана, Килии был произведён в генерал-майоры и удостоен ордена Св. Георгия III степени. В марте 1773 г. обеспечивал русско-турецкие переговоры о перемирии, находясь в распоряжении статского советника И. М. Смолина. В 1784 г. завершив крымские дела, благодаря покровительству князя Потёмкина был назначен на должность симбирского и уфимского генерал-губернатора. В 1792 г. был назначен наместником псковским. В 1793 г. был наместником киевским и черниговским, а 30 мая того же года Военная коллегия поручила ему командовать частью войск, расположенных в Польше, и быть при этом полномочным послом императрицы в Варшаве. В 1794 г. барон О. А. Игельstrom прибыл в Варшаву, на смену послу Я. Е. Сиверсу. После польских событий Игельstrom впал в немилость и вышел в отставку, поселившись в Риге. Однако 1 декабря 1796 г. новый император Павел I вновь призывает его на службу. 12 декабря 1796 г. был издан указ «О новом разделении государства на губернии» и учреждении Оренбургской губернии, генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельstrom был назначен военным губернатором Оренбургской губернии. Стал первым военным губернатором Оренбургской губернии. В сентябре 1798 г. вышел по состоянию здоровья в отставку. Бумаги подписывал по 27 октября. Скончался в 1817 году.

[†] **Каймаканство** - наместничество

[‡] **Кадылык** (или каза) – ведомство кади, его резиденция и подчиненный ему судебный округ, являющийся частью санджака; каза подразделяется на на-

сборах, о Ханских доходах и т.д. Но географического описания земель Крымского полуострова в "Камеральном описании Крыма" не было сделано, так как подобная задача не ставилась перед бароном Игельстромом.

Но, тем не менее, информация географического характера новоприобретенной территории была необходима. Нужны были сведения, отражающие месторасположение гор, рек, озер различных городов, деревень и т.д. Так же интересовали глубины моря вдоль Крымского побережья. Очень важно было составить разнообразные карты, как всего полуострова, так и отдельных городов, крепостей, морские карты с указанием глубин. Частично сведения подобного рода сообщались учеными-путешественниками, которым открылась дорога в Крым, с его присоединением к России. Но для получения более достоверной информации в Крым отправлялись различные экспедиции, как научные гражданские, так и военные.

В 1785 г. императрицей Екатериной II был издан указ Черноморскому адмиралтейскому правлению* о проведении работ по составлению береговой описи Крымского полуострова. Главнокомандующий Черноморским флотом вице-адмирал

хия – область, сельская округа. **Санджак** – название административно-войскового округа в Турции и Крыму. В Турции санджак являлся частью эйалета и управлялся пашой с титулом санджакбей, назначаемым Портой, т.е. центральным правительством. В Крыму название санджак означало четыре района, на которые разделялась подвластная часть полуострова. Для обозначения санджака в Турции и в Крыму употребляли арабское выражение «лива». **Эйалет** – административная единица в Турции. Эйалеты делились на санджаки.

* В 1785 году в Херсоне было создано Черноморское адмиралтейское правление, объединяющее флотские дела и кораблестроение на местной верфи, в Таганроге, Приазовье и на Дону. Его председателем Екатерина II назначила контр-адмирала Николая Семеновича Мордвинова. Адмиралтейство стало центром управления делами на южных морях, в нем располагались портовые учреждения, и размещался главный командир со своими службами.

Сухотин Я.Ф.* и контр-адмирал Макензи Ф. Ф. выполнение этой задачи поручили капитану 2 ранга И.М.Берсеневу. Была отправлена военная научная экспедиция к берегам Черного моря с целью географического описания западного и южного побережья Черного моря, промеров глубин моря и рек и составления карт. Результатами экспедиции стали подробные днев-

* Сухотин Яков Филлипович (1725-1790 гг.). вице-адмирал Ученик морской академии в Петербурге с 12.03.1743 г. С 1745 г. гардемарин, служит на Балтийском флоте. В чине мичмана с 30.12.1751 г. С 01.09.1754 г. унтер-лейтенант, совершил ряд плаваний вокруг скандинавского полуострова (Балтика-Архангельск). Корабельный секретарь с 22.01.1757 г. Лейтенант с 21.01.1758 г. Участник Семилетней войны. В 1758–1761 гг. командует брандвахтенным галиотом у Ревеля. Оканчивает войну в звании капитан-лейтенанта. Береговая служба вплоть до назначения в Тавров для возрождения Донской флотилии. Получил звание капитана 2 ранга. Произведен в капитаны 1 ранга за успешную подготовку флотилии. Ведет опись Азовского моря и командует лодочной эскадрой. В 1771 г. командуя кораблем «Хотин», участвует в морском обеспечении переправы русских войск через Сиваш. После взятия Керчи и перехода в неё эскадры, активно готовится к действиям в открытом море. В 1772–1773 гг. ведет боевые действия в Черном море. Возвращен в Петербург. Ведет тыловую работу, в частности, проводит обследование Вышневолоцкого водного пути. В 1776 г. перегоняет соединение из 4 фрегатов из Архангельска в Ревель. 07.07.1776 г. произведен в капитаны бригадирского ранга. В 1777 г. командует кораблем «Пантелеймон». С 01.01.1779 г. капитан-генерал майорского ранга, и с 14.01. – контр-адмирал флота. Снова направлен в Азовскую флотилию. Возвращен на Балтику в 1781 г. Командует русской эскадрой в Средиземном море. С 12.01.1781 г. исполняет должность кригс-комиссара в комиссарской экспедиции Адмиралтейств-коллегии. Командует эскадрой на Балтике. 24.11.1783 г. произведен в вице-адмиралы с назначением на место скончавшегося от чумы командира Черноморского флота Ф. А. Клокачева. Возвращен в комиссарскую экспедицию приказом от 05.05.1786 г. 20.12.1787 г. назначен в 1 флотскую дивизию. Обеспечил высокий уровень подготовки Балтийского гребного флота. 04.03.1790 г. назначен младшим флагманом под командой В. Я. Чичагова. 07.05.1790 г. определен в эскадру А.И. Круза младшим флагманом. Держит флаг на корабле «Двенадцать апостолов». В Красногорском сражении 22 мая тяжело ранен в ногу. 29.05.1790 г. награжден золотой шпагой. В июне 1790 г. скончался от ран.

ники-описания береговой линии западного и южного побережья Черного моря.

В 1785 г. И.М. Берсенеv со своей командой отправился составлять описание западного берега Крымского полуострова. В процессе плавания был составлен подробный судовой журнал, который в данный момент хранится в Российском Государственном Архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге⁴. Составленный И.М.Берсенеvым журнал, имеет заглавие: «При помощи Божией веденной сей журнал при береговой описи от реки Бельбека до Перекопа а от онаго к выдавшейся наружной косе от матераго берега против острова Тендры восточной оконечности потом от онаго пункта до Кинрурской наружной косе а от туда лиманом до голой пристани флота капитаном втораго ранга Иваном Берсенеvым «1785» году»⁵.

Начинается судовой журнал с того, что Берсенеv детально излагает о начале предстоящего задания: «По повелению его высоко превосходительства господина вице-адмирала кразных орденов кавалера над черным и азовским морях флотом и над херсонским портом главного командира Якова Филиповича Сухотина а мне по насланному от его превосходительства господина кондр-адмирала и кавалера Фомы Фомича Макензи по которому велено неописанную часть от реки Бельбека до Перекопа а от онаго к выдавшейся наружной косе от матераго берега против острова Тендры О. и оконечности где обстоятельно должно утвердить Тендру потом от онаго пункта до Кинбурской наружной косы причем брать татарханском. путе на выдавшейся наружной косе против острова Тендры на ерельном путе и на кинбурской оконечности обсервации в случае описи естли будет виден лиман на перпандикуляре магистрале то по оному чинить меру до голой пристани по окончани ж всей описи сочиняя черную окуратную карту с назначинием по берегу селеней и произростений прочое найдено будет сочиненным журналом для делания белой карты прибыть в Херсон и при всей оной комиси для надобностей нарежена шкунара курер и десятивесельная шлюпка во исполнение выше писаннаго пове-

ления сего течения 15.ть числа вверенного мне командою от-
правился из Севастополя в повеленной путь берегом сколько
каких чинов при оной описи служителей обстоит присеем
предлагайте 18 и по прибытии к реке Бельбек пополудни в
5.м часу по О.го сторону в устье оной реки взяв пеленга на
компасе имеющей склонение 10.градусов 30.минут Севасто-
польской гавани N.го берега при входе первой мыс SW.43.45
оно и же бухты 3-го берега Херсонского мыса оконечность SW
59.30 на N-м берегу морячок SW.41.15 в онаго к N.ду
посреднее к реке Бельбеку выкопать прирубом SW.24.30 в оной
по N.ю сторону реки Бельбека начинающаяся высота
50.11.30 и по оному рубу мерою 10.сажань в онаго к N.ду 1-й
мыс N0.13.45 второй мыс N0.9.30 третий видимая последняя
оконечность N0.7.45 откуда пошли по магистральному румбу
N0.20.00 в онаго пункта в право до припрудность 28 ½ сажень а
высота берега прирубом 6 ½ сажень и пошли с розвязанным
линем 135. сажень семи футовой меры по низменным пешан-
ным и стали чинить опись»⁶.

Далее в журнале идет описании плавания по дням, в ко-
тором очень точно отмечены географические координаты все-
го, что было встречено ими по пути. Это были бухты, заливы,
реки, озера, ручьи, источники с пресной водой, болота, оконеч-
ности полуострова, мысы, горы, курганы, возвышенности, лож-
бины, лощины, низменности, города, селения, маяки, сады,
пашни, и даже просто деревья. В некоторых случаях Берсенев
просто указывает координаты того или иного объекта как, на-
пример: «...пеленговали курган...»⁷ или «начались пахотные
места»⁸, но чаще всего вместе с координатами, он сообщает и
названия бухт, деревень, гор и т.д. «...пеленговали в лощине от
берега деревня Лукула ее оконечность 30.82.00 по той же ло-
щине назади оной большие деревья 30.54.30.... гора Чатырда в
середине деревни Лукула на одной линии 50.70.00 видимая к Кез-
лову оконечность берега N0.13.30...»⁹, или «... пеленговали
оконечность Херсонского мыса SW.48.15 при входе в Севасто-
польскую гавань...»¹⁰. В журнале-дневнике также отмечены

погодные условия во время плавания: " В 16.ть день июня 1785 году ветер межв N и O посредственны погода пасмурна з дождем..."¹¹.

По окончании этой экспедиции, в Черноморское адмиралтейское правление И.М. Берсенева подает следующий рапорт от 16 января 1786 года: " По повелению его высоко превосходительства господина вице-адмирала кразных орденов ковалера главно командующего над черным и азовским морям флотом и над херсонским портом командира Якова Филиповича Сухотина а мне понасланому ордеру от его превосходительства господина кондр адмирала и ковалера Фомы Фомича Макензи по которому и велено мне от реки Бельбека до Перекопа а от онаго к выдавшейся наружной косе от матераго Берега против острова Тендру восточной оконечности где обстоятельно утвердить Тендры потом с онаго пункта до кинбурской наружной косы от туда до голой пристани зделать окуратную береговую опись во исполнения выше писанаго повеления от реки Бельбека и голой пристани весь берег по мере и по инструменту окуратно описать и присем Черноморскому адмиралтейскому правлению сочиненную мною карту и веденой журнал равно ж с промером прошлаго 784-го года шхунары Сокола а 785-го года шлюпкою Экстраты имею честь представить в арегинале: Капитан втараго ранга Иван Берсенева"¹².

Черноморское адмиралтейское правление, получив подробные береговую опись и карты западного побережья Крымского полуострова, поручает Ивану Михайловичу следующее задание: составить теперь береговую опись южного и восточного побережья Крымского полуострова, от Севастополя до Азовского моря.

Из протокола Черноморского адмиралтейского правления за № 201 от 6 мая 1786 г.: "Как простирающейся берег от Севастопольской гавани до Азовского моря еще не описан, то для оного определения послать флота Господина капитана Берсенева, которому и отправиться ныне в Севастополь на следующих туда пинках, о чем дать ему указ..."¹³.

И такой указ за № 263 от 7 мая 1786 г. был дан Берсеневу: "Указ Ея императорского величества Самодержицы Всероссийской из Черноморского адмиралтейского Правления флота господину капитану 2-го ранга Берсеневу, по определению сего правления посылаетесь Вы для описи простирающегося берега от Севастопольской гавани до Азовского моря с имеющимися ныне при вас штурманскими чинами и служителями бывшими при таковых же описях прошлом в 1785 году..."¹⁴

Также в протоколе говорится, о том, что был дан указ № 264 от 7 мая 1786 г, за подписью адмирала Н.С. Мордвинова* капитану 1 ранга М.И. Войновичу[†], который находился в Севастополе, о предоставлении капитану 2 ранга И. Берсенева дополнительных людей в команду экспедиционных кораблей.

"Указ Ея императорского величества Самодержицы Всероссийской, из Черноморского адмиралтейского правления, флота Господину Капитану 1-го ранга и кавалеру Графу Войновичу, оное правление определили: Для описи простирающегося берега от Севастопольской Гавани до Азовского моря послать

* **Мордвинов Николай Семенович** (1754-1845 гг.) адмирал. Воспитывается вместе с цесаревичем Павлом Петровичем. В 1768 г. мичман. С 14.06.1770 г. назначен к отцу адъютантом. С 31.03.1771 г. назначен генерал-адъютантом адмирала Ноульса и отправляется с ним на Дунай. В 1781 г. по возвращении из стажировки в Английском флоте назначается командиром линейного корабля "Георгий Победоносец" с присвоением звания капитан 2 ранга. В 1782 г. командует 74-х пушечным линейным кораблем "Константин". Участвует в Средиземноморском походе Балтийского флота. В 1785 г. взят Потемкиным на Черноморский флот в звании капитан 1 ранга. Ведет строительство верфей в Херсоне и порта в Севастополе. С 1788 г. командующий Черноморским флотом в звании вице-адмирала. В ходе войны 1787–1791 гг. командует Лиманской флотилией. Ведет с моря осаду и атаку турецкой крепости Очаков. В 1789 г. на год уходит в отставку. В 1792 г. командует Черноморским флотом. Вице-президент адмиралтейств-коллегии в 1799-1801 гг. Первый в русской истории морской министр с 08.09.1802 г. Но уже в 28 декабря того же года уходит в отставку.

† **Войнович Марко Иванович** С 1783 г. – временно исполняющий обязанности начальника Херсонского порта. После смерти Ф.Ф. Макензи в 1786 г. занимает должность главного командира Севастопольского порта.

флота Госпадина капитана 2-го ранга Берсенева со штурманскими чинами и служителями состоящих у него в команде, а по недостатку у него служителей по требованию Его определить вдобавок необходимое число со стоящих в Севастополе судов, о чем Вам и посылается сей Указ "¹⁵.

А также был дан указ в интендантскую экспедицию о предоставлении всех необходимых материалов и прошение с № 265 от 7 мая 1786 г. за подписью адмирала Н.С. Мордвинова к генерал-аншефу М.В. Каховскому с просьбой о помощи И.М. Берсеневу в составлении описи. "Из Черноморского адмиралтейского правления. Господину Генерал аншефу и Кавалеру Михаил Васильевичу Каховскому. Для описи простирающегося берега от Севастопольской Гавани до Азовского моря послан от сего правления флота господин Капитан 2 ранга Берсенов с командою служителей, которому будучи при сем деле, в разсуждении расположенных в Тавриде войск, Черноморское адмиралтейское правление Ваше высоко превосходительство покорнейше просит, приказать по требованиям Его чинить возможное пособие"¹⁶.

В соответствии со всеми предписаниями и указами Черноморского адмиралтейского правления для экспедиции И.М. Берсенева и его команды были созданы все надлежащие условия.

В июне 1786 г. Иван Берсенов со своей командой отправился в плавание для составлению береговой описи от Севастопольской гавани до Азовского моря. В августе 1786 г. экспедиция прибыла в Феодосию, откуда Иван Михайлович пишет в Черноморское адмиралтейское правление следующий рапорт: "Сего августа 7-го числа с вверенной мне командою прибыл в Феодосию и чинимую опись берега продолжить буду к Еникалскому проливу. Команда обстоит благополучно больных разных чинов три человека..."¹⁷. К 16 августа корабли Берсенева достигли Керчи, и Иван Михайлович отправляет следующий рапорт в Черноморское адмиралтейское правление в котором сообщает о прибытии в Керчь и спрашивает о дальнейших для

него предписаниях. "В силу даннаго мне из Черноморского адмиралтейского правления прошлого мая 7 числа указу по которому велено с командою следовать для описи части Черного моря берега от Мыса Херсона до Азовского моря, и во исполнение онаго указа со определенного мне комиссиею сего августа 16 числа дошел до Керчи, того ради Черноморскому адмиралтейскому правлению сим донеся и требую по окончании оной коммиси куда следовать онаго в указе непредписано, для описи ж оставшиси части от мыса Фонаря до Перекопа или в Керче остатца для сочинения карт до пред будущего года на что и ожидаю от Черноморского адмиралтейского правления резолюции..."¹⁸.

К сентябрю 1786 г. опись южного побережья Крымского полуострова от Севастопольской гавани до Азовского моря была завершена экспедицией И.М. Берсенева, что и подтверждается в выше приведенном рапорте. Но на этом путешествие Ивана Михайловича и его команды не закончилось, так как в Черноморском адмиралтейском правлении было принято решение о продолжении составления описи побережья Крыма.

В протоколе Черноморского адмиралтейского правления 2 сентября 1786 г. было зафиксировано, что Берсеневу предписывают по возможности продолжить делать опись. "По рапорту флота капитана 2-го ранга Берсенева а прибытии его с чинимой описью до Керчи, определили: послать к нему указ и делать оную продолжит по удобному ныне времени и дальше".¹⁹ 4 сентября 1786 г. указ № 488 был отправлен И.М. Берсеневу: "Указ Ея Императорского Величества Самодержавицы Всероссийской из Черноморского адмиралтейского правления флота господину Капитану 2 ранга Берсеневу Сего сентября 2 дня оное правление о прибытии с чинимой описью до Керчи определили: послать к Вам указ и делать оную продолжать по удобному ныне времени и дальше..."²⁰.

Видимо, посланный указ от Черноморского адмиралтейского правления к И.М. Берсеневу, задержался где-то в пути. И в связи с тем, что указ не был получен, 11 и 16 сентября 1786 г.

Берсенеv пишет еще два рапорта в Черноморское адмиралтейское правление, в которых сообщает об окончании составления описи, дойдя до Азовского моря, как было ему поручено. Так же снова спрашивает о своих дальнейших действиях. Сообщает, что в виду наступления осени, он с командой остается на зимовку в Керчи, и просит дать предписания капитану 2 ранга Дмитриеву, который находится в Керчи при порте об обеспечении провиантом и прочими материалами его и команды для зимовки.

Рапорт от 11 сентября 1786 г.: "По повелению Черноморского адмиралтейского правления сего месяца 11 числа определенную мне комиссию до мыса Фонаря кончил, на что и прежде напосланный, в Черноморское адмиралтейское правление от меня рапорты не имею ни какой резолюции, то и соблаговоленом на оном не оставить меня повелением, а естли ж ныне останусь для зимовки с командою в Керчах то и прошу дать повеление находящемуся в Керчах при порте флота господина втораго Ранга Дмитриеву по требованиям моим как мне так равно для команды провиантом и прочим что следует довольствоваться а бес повеления отпуску не чинить..."²¹. Рапорт от 16 сентября 1786 г. очень схож с рапортом от 11 сентября. Берсенеv, так же докладывает о завершении составления описи до Азовского моря, просит об обеспечении продовольствием своей команды для зимовки и сообщает о том, что отпущенная денежная сумма потрачена, и что его команда питается только сухарями.

Указ № 488 от 4 сентября 1786 от Черноморского адмиралтейского правления И.М. Берсенеv получил только в конце сентября и по получении его сразу же отправляет следующий рапорт. "В силе данного мне из Черноморского адмиралтейского правления прошедшего мая от 7-го числа указа по которому и послан я с командою для описи простирающегося берега от Севастопольской гавани до Азовского моря и во исполнение онаго указа сего месяца 11 числа опись кончена о чем от меня Черноморском адмиралтейскому правлению и рапортовано не

однократно, а сего ж месяца 21-го числа полученным мною из онаго правления указа писанном сего ж месяца от 4-го числа по № 488 в катором и предписано оную опись продолжать от Керчи по удобному ныне времени и дальше и в оном указе не предписано до какаго места и где оную прекратить а по окончании куда возвратитца; а ныне по осеннему времени оною опись продолжить весьма трудно а отпущенная на незапный случай и на правиянт денежная сумма уже вся в расходе, и находящийся при Керчах флота господин капитан 2-го ранга Дмитриев для продовольствия служителей правиянт и другой надобный материал без особаго повеления отпуску ничинит, а имеющийся со мною Гальет Верблюд то оной куда повелено будет отправить, о чем Черноморскому адмиралтейскому правлению предоставляи и на оное ожидаю резолюции...."²².

Рапорт Берсенева в Черноморском адмиралтейском правлении был получен 30 сентября 1786 г., и 2 октября 1786 г. в протоколе правления было записано следующее: " По рапорту флота капитана 2-го ранга Берсенева, что по осеннему ныне времени повеленной Ему описи продолжать не можно; и что находящейся в Керчи флота капитан 2-го ранга Дмитриев, для продовольствия служитлей правиянту и надобных материалов не отпускает, определили: по оному капитану Берсеневу послать указ, и велеть: Естли Еще удобно то опись продолжать до Перекопа, а по не возможности оной ныне чинить, отстаца до повеления в Керчи, и потребной на удовольствие служителей провиант получать от капитана Дмитриева, которому и Гальет Верблюд отдать в ведомство для отправления в Таганрог, о чем и к нему Дмитриеву послать указ"²³.

И Берсенов, и Дмитриев получили указы под №№ 609 и 610 с предписаниями, о которых сказано в выше приведенном протоколе. Берсенов с командою остался на зимовку в Керчи, а Дмитриев обеспечил Ивана Михайловича с командой провиантом и всем необходимым. Продолжение составления описи от Керчи до Перекопа было отложено до наступления весны.

По поводу галиота "Верблюд" И.М. Берсеневу было велено Черноморским адмиралтейским правлением отдать галиот в распоряжение капитана 2 ранга Дмитриева для отправки его в Таганрог. На данное повеление Иван Михайлович в своем следующем рапорте от 26 октября 1786 г. в Черноморское адмиралтейское правление пишет, что галиот "Верблюд" не может быть отправлен в Таганрог, т.к. с этим галиотом произведены работы по покраске и т.д., и галиот должен зимовать в Севастополе. "...а бывшей со мной у описи галиот Верблюд велено в силе Указа отпослать для отправления в Таганрог флота господину капитану 2-го ранга Дмитриеву, а как тот галиот вымазан новою подмаскою для испытания червей должен зимовать в Севастополе, которого по силе насланного от его высокоблагородия флота господина капитана 10го ранга и кавалера, графа Войновича повеления отправил в Севастополь..."²⁴. Капитан 2 ранга Дмитриев пишет похожий рапорт в Черноморское адмиралтейское правление относительно галиота "Верблюд". Черноморское адмиралтейское правление согласилось в доводами, и галиот "Верблюд" был отправлен для зимовки в Севастополь в распоряжение капитана 1 ранга графа М.И. Войновича.

С приходом весны, дела связанные с продолжение составления описи побережья Крыма экспедицией И.М. Берсенева были снова начаты. В протоколе Черноморского адмиралтейского правления от 22 марта 1787 г. было записано: "Как посланному флота господину капитану 2-го ранга Берсенеvu указом велено: при открытии нынешней весны, продолжить опись берегам от мыса Фонаря до Перекопа, а чтоб в исполнении препороченной ему комиссии в области Таврической всякое пособие чинено было, определили: писать к командиру войсками господину генерал-аншефу и кавалеру Михаилу Васильевичу Каховскому, и областному правителю господину действительному статскому советнику и кавалеру Каховскому"²⁵. М.В. Каховский снова отдал предписания о содействии и помощи И.М. Берсенеvu в его плавании для составления описи берега от мыса Фонаря до Перекопа. И экспедиция готовилась

отправится в плавание, но в апреле подготовка была прервана в связи с новым указом из Черноморского адмиралтейского правления. В протоколе правления от 12 апреля 1787 г. было записано: "По малому имению во флоте состоящем в Севастополе Штурманских чинов, определили: послать указ флота господину капитану 2-го ранга Берсеневу и велеть находящихся в команде Его Штурманских чинов всех отправить по почте не медленнее в Севастополь флота к господину капитану 1-го ранга и кавалеру графу Войновичу; а за тем и повеленную сим правлением опись от мыса Фонаря до Перекопа оставить и самому с достаного командою прибыть в Севастополь же и явиться у онаго капитана Войновича, а Ему распределять их по командам, припасы же и материалы принятые для описи равно и отпущенные денги от Керченского казначейства за употреблением на заплату прогонов отдать флота господину капитану 2-го ранга Дмитриеву, о чем Ему и Графу Войновичу дать указами, и по исполнении правление рапортовать"²⁶.

Таким образом, как говорилось в протоколе, в связи с недостаточным количеством штурманских чинов на флоте, экспедиция И.М. Берсенева и его команды по составлению береговой описи от мыса Фонаря до Перекопа была приостановлена и не закончена. В сохранившейся документационно-переписке Черноморского адмиралтейского правления с капитаном 2-го ранга Берсеныным последним является рапорт Ивана Михайловича от 5 мая 1787 г. в правление. "По силе посланного ко мне из Черноморского адмиралтейского правления прошлаго апреля от 13-го числа под № 464 указа коим велено мне и поопределению онаго правления помаломению в Севастополе на судах штурманских чинов, и затем находящихся в команде моей при описи берегов штурманских чинов всех отправить по почте в Севастополь которым и явитца тамо флота господину капитану преваго ранга и кавалеру графу Войновичу принятия же для описи припасы и материалы велено отдать в Керченские магазины равно же и отпущенные денги от Керченского казначейства суммою сто рублей заупотреблением на заплату

прогонов отдать флота господину капитану второго Ранга Дмитриеву! И ВОИСПОЛНЕНИЕ оного указа бывших в команде моей штурманских чинов кроме штурманского ученика Григория Заморуева которой оставлен в Керченском морском лазарете, заболелнию, а протчие с формулярным описанием сего месяца 5-го числа отправлены которым и выдано назаплату прогонов поуказной цене из числа ста рублей двадцать дано отправлению оных чинов куплено мною в Керче повозок две искоих за одну заплачено тридцать а за другую петнадцать и к тому ж надобныя хомутов три и принадлежащия к повоскам нужные вещи за что заплачено десеть рублей всего суммою и прагонами семдесять пять рублей а остальные двадцать пять рублей оставил в щеть заслуженнаго мною за прошлую генварную сего года треть денежнаго жалованья принятых ж для описи припасы и материалы отдал обратно в Керченские Экипажные магазины..."²⁷.

Вот таким образом проходили и закончились экспедиции И.М. Берсенева с целью составления описанию западного, южного и восточного побережий Крымского полуострова. Как выше было отмечено составленные береговые описи, судовые журналы и карты сохранились и в данное время находятся в Российском Государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

Для более полного представления и восприятия Ивана Михайловича Берсенева, хочется сказать еще несколько слов о его вхождении в морское дело, и о других моментах его жизненного пути.

Свое восхождение по карьерной лестнице Иван Берсенев как и большинство представителей дворянских семей его времени, начал 12 марта 1761 г. с ранней военной службы кадетом Морского корпуса.

Иван Берсенев начал обучение в Морском кадетском корпусе в один из лучших периодов этого военного заведения – период возрождения.

История Морского кадетского корпуса началась 14 января* 1701 г., когда был издан указ Петра I о его создании. Первоначально это была школа математических и навигацких наук, которая размещалась в Москве, в Сухаревой башне. В 1715 г. из навигацкой школы была создана Академия морской гвардии в Петербурге. В 1752 г. Морская академия была преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус, который до 1802 г. находился в Петербурге. Здание Морской академии на Васильевском острове и все ее имущество было передано новому военно-учебному заведению. Штат корпуса был определен в 360 воспитанников, которые в строевом отношении делились на три роты, а в учебном на три класса, в каждой роте и классе было по 120 человек. Воспитанники первого, или выпускного класса назывались гардемаринами†, а второго и третьего кадетами. Из второго класса выбирались около 30 человек в артиллерийские кадеты. В плане практического обучения, предписывалось всех гардемарин и артиллерийских кадет второго класса ежегодно направлять на боевые корабли различных эскадр. Каждый воспитанник имел ружье и тесак на поясной портупее с медными пряжками, вторая портупея через левое плечо предназначалась для натронутой сумки. В качестве повседневной формы кадетам полагался зеленый сюртук с белым воротником и обшлагами или белый камзол. Все их жалование высчитывалось на обмундирование и питание, а положено было кадетам третьего класса 18 рублей в год, кадетам второго класса – 24 рубля, а гардемаринам и ефрейторам – 30 рублей, но гардемаринам оставляли 6 рублей в год на личные расходы. Преподавали кадетам Морского корпуса математически и навигационные науки, артиллерию и фортификацию, географию, геодезию и картографию, генеалогия, риторику, историю, политику, мо-

* 25 января по новому стилю

† Воинское звание гардемарин было учреждено в 1716 г., как переходное от ученика академии к чину мичмана. В переводе с французского языка означало – "страж моря" или "морской гвардеец".

раль, геральдику. Кадеты обучались трем иностранным языкам – французскому, английскому и немецкому, а также рисованию, танцам и фехтованию. Результаты выпускных экзаменов, которые скрупулезно отмечались в особых экзаменационных тетрадах на каждого выпускника, свидетельствуют о том, что в Морском кадетском корпусе того времени будущие морские офицеры получали основательные теоретические знания и практические навыки.

Во время учебы Ивана Берсенева, корпусом руководил Иван Логинович Голенищев-Кутузов*. С момента назначения в Морской кадетский корпус капитан-лейтенанта И.Л. Голенищева-Кутизова в 1761 г. начались крупные изменения в корпусе. Прежде всего, новый директор корпуса добился значительного улучшения материально-бытовых условий для личного состава. Было повышено денежное содержание воспитанников. По примеру Сухопутного кадетского корпуса, к которому была приписана одна деревня с крепостными, Иван Логинович через Екатерину II добился, чтобы Морскому кадетскому корпусу была подарена деревня в 210 верстах от Петербурга, насчитывавшая почти 400 душ. В Кронштадте построили дом – своего рода гостиницу, где могли размещаться гардемарины и преподаватели перед отплытием в море, а также после возвращения

* Голенищев-Кутузов Иван Логинович (1729-1802 гг.) - адмирал. Родился в семье лейтенанта флота и в тринадцать лет был определен в Сухопутный шляхетский корпус, а затем переведен в Морскую академию. В 1743 г. произведен в гардемарины, а в 1746 г. в мичманы. Служил на Балтийском флоте. Занимался гидрографией Финского залива. В качестве командира судна совершал переходы из Кронштадта в Архангельск и обратно. Затем по болезни был направлен в годичный отпуск, после которого получил назначение в Морской кадетский корпус. В 1763 г. получил звание капитана 1 ранга, на следующий год генерал-майора и был официально утвержден в должности директора Морского шляхетского кадетского корпуса. С 1764 г. и до конца жизни – директор Морского кадетского корпуса и генерал-интендант флота, генерал-казначей флота, командующий гребным флотом. Так же, исполнял должность наставника по морской части цесаревича Павла. Вице-президент, а с 1798 г. – президент Адмиралтейств-коллегии.

из морских кампаний перед приездом в Петербург. Построили трехмачтовую яхту, на которой гардемарины проходили некоторую практику перед тем, как пойти в плавание на боевых кораблях. Вместо определенных ранее 30 артиллерийских кадетов стали обучать 60, так как необходимо было как можно быстрее ликвидировать большой некомплект артиллерийских офицеров на флоте, так как после смерти Петра I престиж службы на флоте резко упал. Дворяне предпочитали записывать своих сыновей уж если не в кадетские корпуса, то рядовыми в гвардейские пехотные или кавалерийские полки, а не отдавать их в морской флот, где служба была значительно тяжелее и опаснее, чем в сухопутных войсках. По предложению директора корпуса в каждый класс назначался инспектор, который должен был контролировать и оказывать помощь преподавателям; увеличивалось качество преподавателей корабельной архитектуры, механики, артиллерии и фортификации, философии, географии, генеалогии и риторики. Добавились два иностранных языка – датский и шведский, а в последствии – и итальянский. Были образованы специальные математические классы для наиболее способных гардемарinov, имевших склонность к математическим наукам и астрономии. Была открыта при корпусе обсерватория. Своеобразной была забота директора корпуса о гардемаринах, которые плавали на боевых кораблях во время летней практики. Он выступал против введенной еще при Петре I двойной матросской порции для гардемарinov на борту боевого корабля. Но главное – Голенищев-Кутузов хотел, чтобы будущие флотские командиры приучались на корабле во всем вести себя по-офицерски. Для этого он предлагал в море увеличить гардемаринам "столовые деньги" на 1 рубль 50 копеек в месяц, предоставить им возможность питаться за командирским столом. Адмиралтейств-коллегия согласилась с увеличением "столовых денег" гардемаринам, но решила молодежь за офицерский стол не допускать, а кормить из офицерской кухни, за отдельным столом. В целях воспитания образованных офицеров, для улучшения нравственного

воспитания кадет и гардемарин их обучили игре на различных музыкальных инструментах, а также был организован кадетский хор. Про выпускников Морского корпуса говорили не просто "окончил" или "получил образование" – говорили "получил воспитание".

Но в 1771 г. на Васильевском Острове сильный пожар уничтожил до основания здание Морского корпуса, и опять только набравший силу процесс – отличного, высокого уровня образования - был вынужденно приостановлен. Морской кадетский корпус был временно размещен в Кронштадте. Однако преподаватели ездить ежедневно из Петербурга в Кронштадт отказывались, и сам директор руководил корпусом из столицы, и поэтому процесс разрушения того, что когда-то было создано в Морском кадетском корпусе шел довольно быстро.

Ивану Берсеневу и здесь повезло, так как к 1771 г. он уже закончил Морской кадетский корпус, получив хорошее образования морского офицера. 31 мая 1765 г. ему было присвоено звание гардемарина. С 1765 по 1769 гг. Иван Берсенев ежегодно находился в кампании в Балтийском море. 1 мая 1768 г. был произведен в мичманы на новый 66-пушечный корабль «Ростислав». В 1769 г. на корабле «Ростислав» И. Берсенев прибыл из Архангельска в Копенгаген. В Копенгагене в том же году Берсенев был переведен на линейный корабль «Северный Орел», который входил в состав эскадры адмирала Г.А. Спиридова* во время 1-й Архипелажской экспедиции*. По пути из

* **Спиридов Григорий Андреевич** (1713-1790 гг.) – адмирал. Во флоте с 1723 г. С 12.02.1728 – гардемарин. Самостоятельная служба на Каспийском море 1728–1732 гг., где он командует пакетботами «Екатерина» и «Шах-Дагай». С 05.12.1732 г. мичман на Балтийском флоте. С 1737 г. адъютант вице-адмирала П. П. Бредаля. В 1741 г. переводится вместе с ним в Архангельск. 03.12. того же года получает звание лейтенанта. В 1749 г. служит в Московской адмиралтейской конторе, но быстро переведен в Петербург для командования придворными яхтами. В 1751 г. получает чин капитан-лейтенанта и назначение командиром бомбардирского корабля «Самсон». 15.03.1754 г. получает звание капитан 3 ранга, и командирован в

Копенгагена в Средиземное море, 23 октября на корабле «Северной Орел» открылась сильная течь, и корабль вернулся в Портсмут. В Портсмуте Берсенеv был переведен с поврежденного корабля «Северный Орел» на корабль «Европа», которым командовал тогда еще капитан 1 ранга Ф.А.Клокачев. Линейный корабль «Европа» также как и «Северный Орел» был в составе эскадры адмирала Г.А. Спиридова. И уже на корабле «Европа» Иван Михайлович прибыл к берегам Средиземного моря. На протяжении всей 1-й Архипелажской экспедиции Берсенеv служил на корабле «Европа»: участвовал в Чесменском сражении в 1770 г.[†], был в крейсерстве в Архипелаге до Дарданелл в

Казань для доставки леса адмиралтейству. По возвращении в 1755 г., становится членом комиссии по рассмотрению морского регламента. В 1756 г. ротный командир при кадетском корпусе. Участвует в семилетней войне в 1756–1763 гг. 12.01.1757 присвоено звание капитан 2 ранга. Командир корабля «Астрахань». 07.01.1758 г. становится капитаном 1 ранга. Командуя флагманом «Святой Николай» ходит к Штральзунду и Копенгагену, в 1759 г. к Данцигу. В 1760 г. принимал участие в первом (неудачном) штурме Кольберга. Отличился при втором штурме Кольберга в 1761 году. В 1762 г. командует Ревельской эскадрой, прикрывая морские коммуникации на Балтике. Контр-адмирал с 10.04.1762 г. В 1763–1766 гг. командир Кронштадского, Ревельского портов. Вице-адмирал с 04.05.1764 г. Командующий Балтийским флотом в 1762–1770 гг. Командующий средиземноморской эскадрой в войне 1768–74 гг. Командует авангардом русских сил в Хиосском сражении в 1770 г. Фактическое руководство действиями эскадры в Чесменском сражении в 1770 г. В 1771–73 гг. осуществлял блокаду Дартанельского пролива и контроль над Эгейским морем. Создает базу флота на острове Патрос. В 1773 г. выходит в отставку по болезни.

* 1-я Архипелажская экспедиция была предпринята в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. для действий на турецких коммуникациях в Средиземном и Эгейском морях, нанесения ударов по приморским гарнизонам и отвлечения части сухопутных и морских сил противника с дунайского и крымского направлений.

† 24.06.1770 г. в Хиосском проливе русская эскадра (9 линейных кораблей, 3 фрегата и другие суда, всего 820 орудий) обнаружила стоявшие на якоре главные силы турецкого флота (16 линейных кораблей, 6 фрегатов, до 50 малых судов, всего 1430 орудий) под командованием Хасан-бея Джезаирли. В ходе боя с русским авангардом был подожжен и взорвался турецкий

1771 г. и участвовал при десантной высадке на о. Тендос и при атаке Метелино, в 1772-74 гг. крейсировал между портом Ауза и Ливорно. 30 апреля 1772 г. Иван Михайлович Берсенеv был произведен в лейтенанты. В 1774 г. военные действия в Архипелаге закончились, все уцелевшие в сражениях корабли со своими экипажами вернулись в Россию. В 1775 г. на корабле «Европа» Иван Берсенеv вернулся в Кронштадт.

Иван Берсенеv, как упоминалась выше, закончил Морской кадетский шляхетский корпус в Петербурге, который был

флагманский корабль «Реал-Мустафа». Вместе с ним погиб и флагманский корабль адмирала Г. А. Спиридова «Евстафий». Турецкая эскадра в беспорядке отошла в Чесменскую бухту, где была заблокирована русской эскадрой. На военном совете 25.06 у графа А. Г. Орлова был принят план Спиридова, непосредственно командовавшего русским флотом, уничтожить турецкие корабли комбинированным ударом корабельной артиллерии и брандеров. В ночь на 26.06 отряд русских кораблей (4 линейных корабля, 2 фрегата, бомбардирский корабль, 4 брандера) под командованием контр-адмирала С. К. Грейга под огнем противника вошел в бухту и открыл артиллерийский огонь, от которого на турецких кораблях начался пожар. В третьем часу ночи в атаку пошли 4 брандера. Брандеру лейтенанта Д. С. Ильина удалось поджечь и взорвать турецкий линейный корабль. К 3 часам пожар охватил почти все турецкие корабли, а к 10 ч. сгорели 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и более 40 мелких судов. Линейный корабль «Родос» и 5 галер были взяты в плен. Турки потеряли убитыми и ранеными около 11 тыс. человек. Потери русских — 11 убитых. Корабль «Европа» в Чесменской сражении состоял в первой колонне - авангардии, под командованием Спиридова. 25 июня 1770 г. суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах. «Европа» был передовым кораблем, за которым шел Спиридов на корабле «Св.Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии, легла на левый галс и открыла огонь. Но вскоре по настоянию лоцмана, объявившего, что курс веден на камни, ее командиру Клокачеву пришлось повернуть на правый галс и выйти из линии. В полночь с 25 на 26 июня русские корабли продолжили атаку турецких кораблей в Чесменской бухте. Первые полчаса вел огонь только корабль «Европа», на котором находился Берсенеv, а к часу ночи огонь открыли все русские корабли. Потери русских были не значительны. На корабле «Европа» были убиты три и ранены шесть человек, в корпусе насчитывалось 14 пробоин, из них 7 подводных.

предназначен для подготовки морских офицеров, геодезистов и картографов. После возвращения из Архипелажской экспедиции Ивана Михайловича Берсенева переводят в Петербург, и с 1776 по 1778 гг. он разбирает и составляет карты по Архипелагу. Спустя десять лет и за год до смерти, работа Ивана Берсенева по составлению и разбору карт, была по достоинству оценена Екатериной II. В 1788 г. в Черноморское адмиралтейское правление была отправлена золотая табакерка с бриллиантами – подарок Екатерины II капитану 2 ранга Ивану Михайловичу Берсеневу за составление Атласа Архипелага²⁸. Но произошло это только через десять лет, а пока по окончании этой интересной и творческой работы, И.М.Берсеньев 1 января 1779 г. был произведен в капитан-лейтенанты, и уже 16 февраля из Петербурга его командируют на новохоперскую верфь*.

С 1782 г. командует фрегатом на Черном море, на котором, как мы говорили в начале статьи, исследовал юго-западное побережье Черного моря, нашел и рекомендовал бухту Ахтиар, для основания в ней города и порта Севастополь.

2 января 1784 года произведен в капитаны 2-го ранга. Командует тремя фрегатами, крейсирует в Черном море.

С 1788 года командует фрегатом «Осторожный», который находится в составе севастопольской эскадры.

Иван Михайлович Берсеньев скончался в 1789 г., в сравнительно молодом возрасте, когда ему было приблизительно 36-37 лет.

* С осени 1695 г. до весны 1696 г. на территории Воронежского края по указу царя Петра I было основано несколько судостроительных верфей первой в России Азовской военной флотилии, это положило начало созданию русского военно-морского флота. Одна из судоверфей располагалась на реке Хопер Пристанского городка. В 1710 г. по указу Петра I на месте Пристанского городка основывается военная крепость. С этого времени начинается летоисчисление города Новохоперска. Во второй половине XVIII столетия, во времена царствования Екатерины II город Новохоперск вновь становится одной из основных судоверфей Воронежского края.

Военная карьера Иван Михайловича Берсенева сложилась традиционно: началась с участия в 1-й Архипелажской экспедиции в Средиземном море, где он активно участвовал во многих битвах и сражениях, находясь на передовых кораблях. Иван Михайлович принимал непосредственное участие в основании города и порта Севастополь

Иван Михайлович Берсенева вошел в историю, как один из первых военных мореплавателей XVIII в., исследователей уже русского Крыма. Он сделал описание западного и южного берегов Крыма от Севастополя до Керченского пролива, Составленные им судовые дневники, береговые описи и морские карты стали ценным материалом по изучению географии и истории Крымского полуострова.

Жизненный путь Ивана Михайловича Берсенева можно считать типичным для представителей мелкопоместного дворянства XVIII в., которые, самозабвенно отдавая себя службе Отечеству, преумножали его славу, были готовы терпеть лишения, не жалея сил и жизни, а в итоге – оказались почти забыты, оставив лишь несколько скудных записей на страницах архивов.

¹ История города-героя Севастополя: 1783-1917. – Под ред. С.Ф. Найды. - Киев, 1960. - С. 27

² История города-героя Севастополя. - С. 28-29

³ В данный момент эти документы хранятся в Российском Государственном военно-историческом архиве. Ф. 52 князя Г.А. Потемкина-Таврического. В журнале Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии Ф.Ф. Лашков опубликовал данное «Камеральное описание Крыма 1784 г.» Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Симферополь. 1887, 1888 гг. №№ 2,3,4,6.

⁴ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

⁵ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

⁶ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

⁷ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

⁸ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

⁹ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

¹⁰ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

¹¹ РГА ВМФ, Ф.197, Оп.1, Д.87

¹² РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111

-
- ¹³ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁴ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁵ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁶ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁷ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁸ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
¹⁹ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁰ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²¹ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²² РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²³ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁴ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁵ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁶ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁷ РГА ВМФ, Ф.168, Оп.1, Д.111
²⁸ РГА ВМФ, Ф.432, Оп.1. Д.402

**Записки мичмана Николая Клемента
«Год в плену у турок 1807 года»**

Дневник русского морского офицера Николая Михайловича Клемента является уникальным свидетельством очевидца известных преимущественно по официальным источникам драматических событий русско-турецкой войны 1806-1812 гг. В отечественной истории внимание исследователей в гораздо большей степени привлекали русско-турецкие войны более позднего времени. Это объяснялось тем, что договоры и политические последствия военных отношений второй половины и конца XIX в. оставались значимыми вплоть до самого конца существования обеих империй. К этому следует добавить, что мировой для того времени характер наполеоновских войн ставил на первый план противостояние Франции и европейских или восточных государств, оставляя в некоторой тени конфликты между бывшими союзниками по антинаполеоновской коалиции. Известны официальные документы политического характера, а также донесения о ходе военных действий и отдельных операций сухопутных войск и флота, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском Государственном архиве древних актов, Военно-историческом архиве и Архиве военно-морского флота. Однако существует дефицит материалов мемуарного характера и свидетельств непосредственных участников военных действий с обеих сторон. В этом отношении дневник попавшего в плен русского морского офицера позволяет познакомиться не только с действиями

российского корвета «Флора», но и с тем, что ему довелось увидеть, находясь в османском плену. Именно эти наблюдения делают впервые публикуемый дневник Николая Клемента ценнейшим источником не только для российских, но и для турецких историков.

Публикуемый дневник мичмана Николая Клемента «Год в плену у турок 1807 года» хранится в Российском Государственном архиве военно-морского флота в С. Петербурге в Фонде 315, Опись 1, Досье 641, Листы 1-50 с оборотами и представляет собой авторскую факсимильную рукопись. Публикуемый вариант представляет собой воспроизведение рукописного текста в современной орфографии, фрагмент рукописи и послужной список мичмана Н. Клемента также приводятся в настоящем издании.

* * *

События, участником которых стал волею судьбы офицер русского флота Николай Клемента, происходили на фоне многолетней военной кампании, охватившей страны Европы и Средиземноморья.

Поражение стран третьей антинаполеоновской коалиции при Аустерлице явилось причиной ужесточения под давлением Франции позиции Османской империи по отношению к России. Новый посланник Франции в Стамбуле Себастиани делал все для создания франко-турецкого союза против России.

По договоренности с Россией султан имел право смещать господарей (правителей) Молдовы и Валахии только по суду, с участием в нем русских представителей. Однако осенью 1806 года Селим III нарушил договор и единолично сместил господарей Ипсиланти и Мурузи. И хотя впоследствии господа Ипсиланти и Мурузи были восстановлены Портой в их должностях, возможность переброски французских войск из Далмации через турецкую территорию на Днестр встревожила российское правительство. Россия была вынуждена принять ответные меры, хотя Александр I и был связан войной с Наполеоном в Польше и Восточной Пруссии. 24 сентября 1806 года

Александр I приказал отправить 18 тысяч золотых червонцев и оружие вождю сербских повстанцев Кара-Георгию. 4 октября Александр I предписал командующему Молдавской армией И.И. Михельсону занять Молдову и Валахию. Это было выполнено 11 ноября 1806 года, и началась русско-турецкая война, продолжавшаяся шесть лет.

В связи с резким ухудшением отношений с Турцией в помощь эскадре Д.Н. Сенявина летом 1806 года на Балтике сформировали эскадру кораблей под начальством капитана-командора И.А. Игнатьева.

19 августа 1806 года эскадра вышла из Кронштадта. В ее составе были 5 линейных кораблей (80-пушечный «Рафаил», 74-пушечные «Сильный» и «Твердый», 66-пушечные «Мощный» и «Скорый»), фрегат «Легкий» (38 пушек), шлюп «Шпицберген» (32 пушки), корвет «Флора» (22 пушки) и катер «Стрела». За 4 месяца, эскадра Игнатьева без потерь достигла Корфу, куда и пришла 21 декабря 1806 года.

Однако не всем кораблям эскадры Игнатьева довелось принять участие в последовавших в 1807 году крупных морских сражениях. Корвет «Флора» потерпел кораблекрушение у берегов Албании и оставшиеся в живых члены команды были взяты турками в плен.

С прибытием эскадры Игнатьева численность русских сухопутных войск на Ионических островах возросла до 13 тысяч человек. Кроме того, имелось ополчение из албанцев и черногорцев. Хотя они отличались личной храбростью, но были недисциплинированны. Однако с началом войны русско-турецкий договор 1805 г. Был аннулирован, и русские войска на Ионических островах оказались отрезаны, а сообщение с Россией стало возможным лишь вокруг Европы, где русские суда подвергались нападениям французских и алжирских пиратов. Все же средства для содержания войск удалось изыскать – поскольку все прибрежные страны оказались враждебны, то и почти все корабли были вражескими. И, по приказу Сенявина, все захваченные корабли и контрабанда поступали в продажу

Согласно плану П.В. Чичагова, средиземноморская русская эскадра совместно с английской эскадрой должна была прорваться через Дарданеллы в Мраморное море. Одновременно с этим планировались прорыв Черноморского флота в Босфор и высадка там десанта. Сухопутные силы турок Чичагов рассчитывал отвлечь от османской столицы действиями Дунайской армии. Однако Черноморский флот и силы десанта не были готовы к проведению операции такого рода, и поэтому Босфорская операция была отменена. Впоследствии англичане, после неудачной попытки прорваться через Дарданеллы в одиночку, отклонили и предложение Сенявина о совместных действиях. В результате адмирал Сенявин решил своими силами блокировать Дарданеллы.

Приступив к выполнению замысла Чичагова, Сенявин 10 февраля 1807 г. повел эскадру к Дарданеллам. В её составе были 10 линейных кораблей, фрегат, шлюп. На кораблях находился десант: 1700 русских солдат и 270 албанских стрелков. В Которской бухте остались три линейных корабля, фрегат и несколько легких судов для поддержки сухопутных войск, оборонявших Которскую область. На Корфу остался один линейный корабль, один фрегат и легкие суда, которые должны были оборонять Ионические острова и не допустить высадку десанта противника.

Для осуществления блокады Дарданелл русская эскадра нуждалась в удобной базе. Поэтому Сенявин начал боевые действия по захвату острова Тенедос, который находится в 12 милях (22,2 км) от входа в Дарданеллы и в 3 милях (5,5 км) от анатолийского побережья. По воспоминаниям офицеров, участвовавших в кампании, с Тенедоса просматривался Дарданелльский пролив, а Сенявин считал Тенедос самым удобным местом для организации военной базы. Тенедос был также удобен и как база снабжения пресной водой. 8 марта 1807 года в 7 часов утра на острове высадился русский десант, а 10 марта комендант крепости капитулировал, а все турецкое население

было перевезено на анатолийский берег. Одновременно русские корабли начали блокаду Дарданелл.

* * *

Эффективная блокада Дарданелл поставила население Стамбула на грань голода.

Среди населения росло недовольство. Однако все попытки турок разблокировать Дарданеллы и захватить Тенедос были безрезультатными.

Начало 1807 года ознаменовалось кровопролитным сражением под Прейсиш-Эйлау. И русские, и французы объявили о своей победе. Тем не менее, именно французы продолжили наступление, и 14 июля 1807 года они разбили русскую армию при Фридланде. Но еще до Фридланда император Александр I посчитал, что для России слишком опасно вести сразу две войны. Поэтому он решил предложить туркам мир и направил для переговоров с ними на эскадру Сенявина чиновника министерства иностранных дел, французского эмигранта Поццо ди Борго.

Однако туркам было не до переговоров. Султан Селим III решил ввести в войсках новую форму и начал переучивать их на европейский лад. В ответ на непривычные новшества 17 мая гарнизон Стамбула взбунтовался, к восставшим присоединился каймакам-паша столицы Муса. Восставшие убили 17 приближенных султана, а головы их торжественно пронесли по улицам Стамбула. Население поддержало бунтовавшие войска.

Великий муфтий заявил, что султан нарушил заветы пророка Магомета и должен быть казнен. Селима III заключили в тюрьму, на престол вступил его юный кузен Мустафа IV. Несколько позже Мустафа IV приказал задушить Селима и его брата Махмуда.

Только 28 мая Сенявин получил ответ капудана-паши, где было сказано о перевороте и о том, что новый султан «настолько занят», что к нему может быть направлен один только парламентар с личным письмом царя. Турки явно не хотели

никаких переговоров. Окружение нового султана предпочитало продолжение войны и больше всего было озабочено беспорядками в самом Стамбуле. В такой ситуации турецкое командование решило дать новое сражение русской эскадре. Успех в бою одновременно решил бы и внутренние и внешние проблемы нового султана.

Утром 10 июня из Дарданелл вышла турецкая эскадра в составе 8 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 корветов и 2 бригов. 15 июня Сеит-Али подошел к Тенедосу и, обнаружив, что там остался лишь бриг «Богоявленск» и два малых судна, устремился к острову. При подходе турецкой эскадры к Тенедосу турецкие войска начали переправляться с азиатского берега на остров. После обстрела крепости и берега турецкой корабельной артиллерией высадка десантных войск пошла более интенсивно, и 16 июня на острове сосредоточились более 7 тысяч турок. Русский гарнизон Тенедоса численностью 600 человек атаковал турок в момент высадки, артиллерия крепости и «Богоявленск» вели огонь по турецким кораблям.

17 июня утром русская эскадра вышла с севера к Дарданеллам и обнаружила турецкий флот, стоявший в этот момент на якоре между Тенедосом и азиатским берегом. Но турки не приняли бой и стали уходить, стараясь отвлечь эскадру Сенявина от войск, высаживавшихся на Тенедос. Несмотря на это, русские корабли уничтожили десантные суда и доставили на остров подкрепления. Чтобы не дать противнику ускользнуть в Дарданеллы, Сенявин сначала направился к острову Имброс, лежащему между проливом и Лемносом, а затем стал спускаться к Лемносу. Вечером 18 июня он находился в 6 милях к северу от этого острова и надеялся на рассвете найти и атаковать противника.

Утром 19 июня началось Афонское сражение. В русскую эскадру входили десять линейных кораблей: 80-пушечные «Уриил» и «Рафаил»; 74-пушечные «Селафайл», «Сильный», «Св. Елена», «Твердый», «Ярослав»; 66-пушечные «Скорый», «Ретвизан» и «Мощный».

Турецкая эскадра состояла из 9 линейных кораблей: 120-пушечного «Мессудие», флагман капудана-паши Сеита-Али; 84-пушечных «Анкай-Бахри», «Таусу-Бахри», «Тевфик-Нюма», «Килит-Бахри», 80-пушечного «Сеид-эль-Бахри», 74-пушечных «Сайади-Бахри», «Мем-Банк-Нюсарет», «Хибет-Ендас». Фрегатов было 6: среди них 50-пушечные «Мескени-Газа», «Бедри зафер», «Фуки-Зефир», «Нессим-Фети», 40-пушечный «Искендерие», 32-пушечный «Метелино». Еще были два корвета: 28-пушечные «Рехберн-Алим» и «Денювет» и два брига: 18-пушечные «Аламит Порсет» и «Меланкай».

Перед боем Сенявин отдал приказ по эскадре: «Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покауда флагманы неприятеля не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения самого упорного, почему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли: «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Уриилом» и «Мощный» с «Ярославом».

Турецкие линейные корабли выстроились в линию. За ними была вторая линия, состоявшая из фрегатов, корветов и бригов. Русские корабли в 7.30 утра попарно двинулись к линии неприятельских кораблей. Через час в центре турецкой линии уже была свалка кораблей. «Мессудие» попытался взять на бордаж «Рафаил». Командир «Рафаила» капитан 1 ранга Лукин был убит турецким ядром. «Рафаил» прорезал линию турецких кораблей и оказался между неприятельскими кораблями и фрегатами.

К 9 часам русским кораблям, за исключением «Рафаила» удалось построиться в линию и вести артиллерийскую дуэль с турецкими кораблями. Около 10 часов турецкие корабли начали отход к мысу Афон. Сильно поврежденный корабль «Сеид-эль-Бахри» был окружен русскими кораблями и взят в плен. Командир «Селафаила» капитан 2 ранга Рожнов послал на «Сеид-эль-Бахри» лейтенанта Титова с командой «для занятия караула и управления кораблем». Адмирала Бекир-бея, командира

корабля и других турецких офицеров вместе с корабельными флагами перевезли на «Селафайл». Утром следующего дня на захваченном корабле взвился русский флаг.

При захвате «Сеид-эль-Бахри» выяснилось, что у турок матросами на кораблях служат военнопленные. Там оказались 11 русских матросов с корвета «Флора», - того самого, на котором служил и мичман Н. Клемента, - разбившегося в начале 1807 года возле албанских берегов, а также 7 английских матросов. В письме состоявшего при Сенявине П. Свинына так передаются впечатления от увиденного: «Бедные люди сии, почти нагие, прикованы были тяжелыми цепями к пушкам и принуждены палить в соотчичей и братьев своих. Янычары с обнаженными саблями наблюдали за их действиями. Достойно примечания, что при сем страшном огне ни одно русское ядро их не тронуло».

Захватом «Сеид-эль-Бахри», в сущности, и закончилось Афонское, победное для Сенявина сражение. Треть вражеских кораблей и фрегатов перестала существовать, потери турок исчислялись сотнями убитых, утонувших, раненых. Однако, несмотря на победу Сенявина, П.В. Чичагов, признавая важность Афона, укорял Сенявина за то, что тот не повторил Чесмы. Сенявин вынужден был выбирать между преследованием остатков турецкого флота и помощью гарнизону Тенедоса. Как впоследствии писал Поццо ди Борго, «Необходимость спасти Тенедосскую крепость, ... в которой не только наш гарнизон, но и все греческое население острова искало защиты и подвергалось возможности быть перебитым, эта необходимость заставила адмирала Сенявина возвратиться, чтобы предупредить такое несчастье»^{*}. Тем не менее, хотя турецкий флот и не был полностью уничтожен, он понес большие потери и был сломлен.

20 июня рано утром линейный корабль и два фрегата, которые накануне шли вместе с кораблем Бекир-бея, были обнаружены у мыса Афон. Сенявин послал им вдогонку отряд из

^{*} ОР ГБЛ, ф. 129, №4, лл. 82(об.), 83.

трех кораблей под командованием А.С. Грейга. Видя безвыходность своего положения и возможность пленения, турки посадили корабль и фрегаты на мель у островка Николас и, переправив личный состав на берег, взорвали их.

21 июня утром отряд Грейга вернулся, после чего Сенявин поспешил к Тенедосу, «дабы скорее подать нужную помощь оставленному в крепости нашему гарнизону. В полдень 24 июня русская эскадра подошла к Тенедосу. К этому времени турки почти полностью заняли остров. Русские удерживали только крепость. 25 июня русские корабли окружили остров, и Сенявин предложил турецкому десанту без боя вернуться на материк. На следующий день турки приняли предложение, и покинули остров.

* * *

После Афонского сражения англичане предложили Сенявину начать совместную операцию в Проливах. Однако, спустя три недели произошло Фридландское сражение, а еще через 11 дней (25 июня 1807 года) Александр I и Наполеон подписали Тильзитский мир.

После заключения Тильзитского мира 1807 г. Россия потеряла то важное и выгодное положение, которое она занимала в Средиземноморье с 1789 г. Ее престиж был подорван как на Балканах, так и на Ионических островах. Котор отошел к французам, эскадра Сенявина вынуждена была покинуть этот важный в стратегическом отношении пункт. 31 июля (12 августа) Котор был сдан. 19 сентября (1 октября) эскадра Сенявина вышла с о. Корфу. Ионическая республика, созданная благодаря усилиям Ф.Ф. Ушакова, покровительствуемая Россией на протяжении всех этих лет, прекратила свое существование. Сенявин повел эскадру северным путем. Суда, приписанные к черноморским портам, должны были возвращаться через Проливы. Трагична судьба этих кораблей, оставленных Сенявиным в итальянских портах. Франция должна была выхлопотать у Порты разрешение на их проход через Дарданеллы и Босфор. Поскольку такого согласия получено не было, линейные кораб-

ли «Параскева», «Азия», трофейный «Сеид-эль-Бахри» и свыше 30 более мелких судов около 2 лет гнили в чужих портах, а затем были за бесценок проданы Франции. Команды возвращались домой пешком через всю Европу и были очень неласково приняты на границе с Россией. Проход через Проливы для русских военных судов, впервые за всю историю русско-турецких отношений предоставлявшийся на протяжении почти десяти лет, был закрыт на годы.

Что касается судьбы попавших в плен русских моряков, то, кроме воспоминаний Н. Клемента имеются воспоминания участников морского сражения при Афоне

Описывая крушение Корвета Флоры и плен ее экипажа, я не имел ни малейшего притязания на литературную известность. Единственное мое желание при этом описании состояло только в том, чтобы сохранить в своей памяти это несчастное происшествие. Воспоминание об этом событии пробуждает во мне так много разнородных мыслей и ощущений! Положение Моряка неприятно во время бури, ужасно в минуту кораблекрушения и невыносимо в таком плену, где подвергать злополучного всем жестокостям и мщениям и унижать его нравственное достоинство, составляет удовольствие народа и Правительства. Тягостными были для нас эти испытания, но благое Провидение не совсем нас оставило: сначала Оно послало нам отраду в отеческой заботливости о нас возлюбленного Монарха, а потом возвратило нас в милое Отечество. Здесь, вспоминая о претерпенных нами бедствиях, и наслаждаясь счастьем под покровом мудрого, просвещенного и кроткого Правления, я благословляю свой жребий, часто повторяя:

Всевышний, испытуя нас,
Дает нам средства к улучшенью,
И тот блажен, блажен сто раз,
Кого ведет Он к искушенью.

В 1806^м Году, в числе Офицеров, назначен я был на новостроенную в С^т Петербургском Адмиралтействе корвету Флору, при спуске которой присутствовали: Министр Морских сил Павел Васильевич Чичагов, и два заслуженные воина: Фельдмаршал Граф Каменский и Князь Прозоровский. По прибытии Флоры в Кронштадт, получили мы повеление присоеди-

ниться к Эскадре, шедшей в Корфу под начальством Капитан Командира Ивана Александровича Игнатьева.*

* * *

Вооружившись, отправились мы 1го Сентября 1806 Года из Кронштадта, настигли Эскадру в Копенгагене, оттуда заходили в Портсмут и потом в Мессину, где радушно угощены были Российским Посланником Дмитрием Павловичем Татищевым, прибывшим нарочно для свидания с нами из Города Палермо. По благополучном плавании в Средиземном море, прибыли мы в Корфу 25го Декабря, где нам надлежало соединиться с флотом Вице Адмирала Дмитрия Николаевича Синявина. Но, узнав, что он находится в Боко-де-Катаро, мы поспешили исправить наш такелаж, пополнили недостаток в воде и провианте и при первом попутном ветре снялись с якоря и направили путь к Боко-де-Катаро, чтобы скорее соединиться с друзьями и товарищами, но я, кажется, с большим пред прочими нетерпением ожидал соединения с флотом, надеясь увидеть родного брата, с которым был в разлуке четыре Года. Наконец этот желанный день настал 1го Генваря 1807 Года: едва успели придти на рейд и бросить якорь, как вся поверхность воды, отделявшей нас от флота, вдруг покрылась шлюпками и катерами. Офицеры с флота Вице-Адмирала Д.Н. Синявина летели к нам с распростертыми объятиями осведомиться о любезном

*Командор Иван Александрович Игнатьев убит в сражении при Дарданеллах 1807 Года Мая 10 дня и погребен в Греческой Церкви на острове Тенедосе. На Корвете Флора находились следующие офицеры:

1. Начальник оной Капитан Всеволод Семенович Кологривов (умер).
2. Лейтенант Григорий Григорьевич Гогарт (умер).
3. Андрей Федорович Сорохтин (находится при Архангельском порте).
4. Василий Алексеевич Сафонов (в отставке).
5. Николай Михайлович Клемент.
6. Александр Васильевич Свешников (умер).
7. Лекарь Христиан Яковлевич Гейзлер (в Николаеве).
8. Шкипер.
9. Штурман, и нижних чинов 170 челов.

сердцу Отечестве, о милых сердцу и о знакомых, и мы едва успевали отвечать на все вопросы наших сослуживцев.

Генваря 7го 1807 Года с Адмиральского Корабля Селафаила в 5 часов утра поднятым при пушечном выстреле сигналом приказано изготавиться к походу. В 4 часа по полудни уже весь флот находился под парусами на пути к Корфу. Еще Корабли не все успели выйти из Залива в Море, как тихий, но попутный ветер вдруг переменялся, сделался противным и, постепенно усиливаясь, к ночи обратился в жестокий шторм. Корвета Флора, по образу построения своего, не могла держаться за линейными Кораблями, и как в ночь с 8го на 9^е число снесло ее к Острову Курцоле, то Капитан принужден был на рассвете спуститься по ветру к этому Острову, занятому нашими войсками. В Курцоле нашли мы два Корабля Елену и Урийла, поставленные для защиты Крепости от неприятеля.

На Курцольском рейде, в ожидании благоприятного ветра, оставались мы до 23го числа. Наконец 24го Генваря вышли в море; и на этом плаваннии Флора погибла, претерпев крушение! Ветер был столь силен, что Корвет под одним рифленьм Грот-Марселем летел по 13 узлов или почти по 23 версты в час. К вечеру 26го числа ветр еще более усилился, потом переменялся и с тою же жестокостию заревел с противной стороны. Море и Небо представляли в это время жестокую борьбу. Прежнее волнение, споря с новым, вздымало волны необъятной высоты, Море, покрытое пеною, кипело как в котле; не менее того волновалось и Небо, облака, несомые с двух противоположных сторон, с неимоверною быстротою сталкивались, дробились, кружились, и вертясь вокруг одного центра, вскоре покрыли весь небосклон одним черным густым облаком. Ужасный гром, непрерывные молнии, рассекавшие Небо по всем направлениям, шум волнения, серный запах от воды и Электрической материи происходящий, довершили картину ужаса, а вместе великолепнейшего зрелища в природе. Наступила ночь, и опасности умножились. Угрожаемые небесным огнем и бездною морскою, попеременно окружаемые непроницаемым мраком и

ярким светом молний, Корвету, как легкий челн, бросало с боку на бок, вверх и вниз, и, подобно пущенной стреле, гнало ее по волнам, казавшимся то белым полотном, то kloкочущею лавиною, которая длинною огненною чертою змеилась, как бы к корме ею привязанною. Удары грома, свист бури, шум, kloкочение волн, и треск во всех членах Корветы, сливались в один оглушительный звук. Ночь ужасная и незабвенная, ты мне казалась предвестницею страшного Суда! Мне уже слышался трубный глас Архангела, призывающий на суд страшный, слышались стенания, отчаяние, и скорбное предчувствие, объявшее в это время мою душу, отчасти сбылось. Вдруг на востоке в густой туче показалось шаровидное кровавого цвета облако, которое, как раскаленное ядро, быстро несло к нам по прямому с гор направлению. Этот признак жесточайшего порыва ветра, известного здесь под именем Бору, вырвал из души оторопевшего Лощмана, родом из Бока-де-Катаро, отчаянный крик: режьте—убирайте паруса! рубите мачты! Немедленно послали людей крепить паруса; но не успели еще отважные наши матросы добежать до марсов, как жестокий шквал повалил Флору на бок, остановился ее бег, и как бы приковал ее к месту. Мачты, уступая напору, склонялись ниже и ниже; и наконец Корвет до такой степени наклонило, что волны хлынули чрез подветренный борт. Несколько секунд мы оставались в этом опасном положении, так что гибель Корвета и всего Экипажа казалась неотвратимою; но Бог и во гневе своем явил нам свое милосердие. Облако разрядилось, Небо разверзлось, и страшный громовой удар, сопровождаемый ливнем, в одно мгновение зажег бушприт, фок-Мачту и грот Стеньгу; три мачты вдруг треснули и поверглись в Море. От убавки сверху тяжести Корвета поднялась и пришла в прямое положение, но опасность еще не миновалась. Сломленные мачты колотились об борт, могли пробить и потопить Корвету. Не взирая на эти бедствия, угрожавшие всем нам гибелью, Офицеры и матросы, движимые состраданием, немедленно бросились спасать упавших с мачтами в Море по воле Божией, успели спасти 20 чело-

век, а 22 убитые мачтами и покрытые парусами погибли в бездне.

Столь бедственное положение не лишило, однако же, нас присутствия духа, необходимого морякам. По счислению мы находились близ берегов Албании, и как по лоту глубина стала приметно уменьшаться, то Капитан приказал бросить два якоря. Это положение Корветы способствовало без вреда отдалить от него сломленные мачты, и работая усердно во всю ночь, мы успели поставить фальшивые мачты, привязать к ним кой-какие реи с парусами и проч. Трудность такой работы поймут одни моряки, но усердие может быть понято всякому; ибо кто работает для спасения жизни (а кому она не мила?) тот, как говорится, работает за десятерых. Вскоре после шквала сила ветра стала ослабевать, ярость стихий мало помалу укротилась, и наконец к утру ветер совершенно стих; мы находились не в дальнем расстоянии от берегов Албании у мыса Дурацио.

На рассвете 27го Генваря ветер снова подул попутный, и мы под фальшивым вооружением, несмотря на сильное противное волнение, приметно продвигались вперед; до одиннадцати часов шли благополучно; к полудню ветер стих, а к вечеру от фордевинда перешел к бейдевинду, и мгновенно, так же как и прошедшего дня, оборотился в жестокую бурю. Погибель была неизбежна. Корвет находился в самом беспомощном состоянии; без мачт и парусов мы не могли отходить от берега. Мы находились против Авлонского залива наполненного каменными рифами и совершенно открытого от дувшего тогда SW Юго-западного ветра. К несчастью, остров Сазино, единственное место, где мы могли найти убежище, находился еще на ветре. Наш Корвет несло к берегу; крутые каменные скалы становились к нам ближе и ближе, глубина по лоту уменьшалась. По необходимости надлежало стать на якорь; бросили два, один за другим, но безуспешно. В песчаном дне якоря не забирали, мы бросили третий, все тщетно; лишь только хотели бросить последний как Корвет стал на мель (ровно в два часа пополудни), и мы лишились руля. Боже! Вскричали все едино-

гласно: погибаем! Не было возможности спастись: Флору повалило на бок, каждая наступающая волна, поднимая ее кверху, ударяла с такою силою, что в несколько минут трюм наполнился водою. К увеличению ужаса ночь наступила темная, ветер был жестокий, волнение вокруг судна ужасное и дождь лил как из ведра. В такой крайности Капитан пригласил всех Офицеров на совет, на котором единогласно положили сбросить с Корвета тяжести и потом команду везти на берег. Немедленно приступились к исполнению этого, и хотя успели в короткое время бросить в Море коронады, ядра, картечи, порох, запасной таке-лаж и все прочие тяжести, но это средство ни мало ни помогло, Корвет било о камни с тою же силою, и каждый удар казался нам последним. Погибель наша была уже очевидна; и мы без ропота готовились к смерти. Приступая к спасению людей, удачно спустили мы на воду 4^х весельный ялик. Лейтенант Гогард должен был по веревке, привязанной к Корвету, спуститься на нем по ветру к берегу, и там, укрепя другой конец веревки, возвратиться назад для переезда таким образом всего экипажа. Ялик, последняя наша надежда, волнением выбросило на берег, но, по счастью, бывшие на нем успели другой конец веревки удержать и прикрепить к скалам. Итак, помолившись Богу и простившись друг с другом, мы решились искать спасения в самом отчаянном и ненадежном средстве; нам надлежало, бросившись в воду, и держась за веревку, стараться вплавь достигнуть берега, находившегося от Корвета около 100 сажень; начиная с младшего один за другим спускались мы в свирепые волны, и по Божескому милосердию, исключая шестерых юног, благополучно достигли берега 28 Генваря.

Несчастные юноши, не имея довольно сил держаться за веревку, утопали, и никто уже не мог помочь им. Оглушенные водою, и окостенев от холода, мы едва могли удалиться от берега на несколько шагов; отдохнув и придя в себя, начали мы искать друг друга и собрались в одно место. В два часа ночи развели большой огонь, у которого, греясь и обсушиваясь, рассказывали, каким образом кто спасся. Утомленные трудом и

обремененные несчастием, вскоре все уснули замертво, не смотря на холодный ветер и проливной дождь.

29го Генваря едва начинало светать, как взоры всех оборотились на место нашего бедствия; но Флора уже не существовала; несколько обломков выброшенных морем известило нас о конечном ее крушении. Минута эта была для нас самую тягостною, положение наше было горестно. Берег, на который нас выбросило, издревле населен был морскими разбойниками, и нынешние обитатели его известны лютостию и невежеством. Призвав Бога в помощь, мы ожидали своей участи с мужеством и решительностию. Спустя несколько времени, приехали к нам верхами три Албанца (Арнауты) из близлежащей деревни; они пантомимами изъявляли свое сожаление о постигнувшем нас несчастии и просили показать нашего Начальника (по-турецки бир-Каптан) они предложили ему от имени своего Аги квартиру в своей деревне, до тех пор, пока не представится случай возвратиться в Корфу. Капитан долго не решался, наконец, отправился, пригласив с собою меня и Лейтенанта Сафонова. Он не предвидел ожидавших нас бедствий. Мы даже ласкали себя надеждою, что нас встретят таким же образом, как у нас в России принимают иностранцев, а особенно в несчастии. Дорогою мы располагали, что, переговорив с Турецким Начальником, найдем купеческое судно (Требакулу) и для того взяли с собою вроде переводчика для перевода нашего Лоцмана; но не успели дойти до деревни, как выехало нам навстречу множество Албанцев, которые с яростными криками требовали, чтобы мы обезоружились, то есть отдали бы им наши кортики, которыми однако же мы не в состоянии были защищаться противу такого множества. Албанцы угрожали нам смертью в случае малейшего сопротивления, и махали саблями над нашими головами. Чрез Лоцмана мы сказали им, что согласимся на это, если они приведут нас к своему начальнику или Аге, который в это время находился в деревне, занимаясь собранием податей и осмотром Албанской провинции. К несчастию, вскоре заметили мы, что Ага не пользуется уважением у этого дикого и необра-

зованного народа. Албанцы, опасаясь, чтобы мы не ускользнули от их хищничества, вырвали нас из рук Аги, заперли в конюшню вместе с разным скотом, приставили к нам вильный караул, и не хотели слушать никаких с нашей стороны объяснений.

Ага, видя наше бедственное положение, и не доверяя этим варварам, послал немедленно Курьера (по-турецки Татар) в Город Берат, отстоявший от этой деревни на два дневные перехода, где имел пребывание Ибрагим-Паша (Наместник Албанский и Авлонский, один из честнейших и сострадательных людей края). В ожидании ответа, Ага сам перебрался к нам в Конюшню, чтобы воспрепятствовать этим варварам в исполнении их зверского намерения. Несколько раз приходил к нам пожилых лет Грек, бывший шкипером судна, разбившегося с грузом на том же самом месте, где разбилась наша Флора. Он нам рассказал, что по выходе на берег весь его экипаж был перерезан албанцами, его же оставили живым для того, чтобы он им помогал грабить и доставать с морского дна товары разбивающихся здесь Кораблей, ибо всякое лето по крайней мере около 5 судов подвергаются у этих берегов крушению. Грек рассказывал нам о жестокости Албанцев и о намерении их умертвить нас.

Албанцы ежедневно приносили к нам напоказ отрубленные головы, угрожая таковою же участию, но, к счастью, на четвертый день Ибрагим Паша прислал сильный отряд для нашего освобождения с приказанием препроводить нас к себе, прислав сверх того 500 человек на берег, где находились остальные наши матросы с Офицерами. Эти соучастники общего нашего бедствия, лишившись нас, намеревались уже вооруженною рукою выручить нас из плена. Наших матросов было около 150 человек, они никак не соглашались разлучиться с нами и объявили об этом присланному конвою. Хотя наши люди не были вооружены, но руководимые мужеством и отчаянием, имели намерение, в случае разлуки с нами, напасть на Албанцев, обезоружить их, и силою освободить нас из рук этих вар-

варов. Прибытие конвоя, к счастью, уничтожило это безрассудное намерение, и на другой день под сильным прикрытием выступили все вместе.

Мы ночевали в бедном старинном полуразвалившемся Монастыре, где Греческий Монах встретил нас со слезами, угостил пилавом и для подкрепления наших сил вынес 10 мешков Монастырского вина*.

Поутру, простившись с добрым Монахом, мы продолжили наш путь и на другой день прибыли в Город Берат. В день самого рамазана нас повели прямо на двор огромного здания или дворца (где жил Паша), построенного в Китайском вкусе и окруженного галереями с окнами, состоящими из разноцветных стекол. Двор наполнен был множеством народа по случаю Праздника, лучшие лошади Паши в драгоценных сбруях, и покрытие богатыми коврами, были привязаны к столбам посреди двора. Здесь никогда не было столько европейцев вместе, особенно русских, и народ с величайшим любопытством толпился вокруг нас. Правда, трудно было по нашему платью причислить нас к какой-либо нации, ибо мы так были оборваны, что сами с удивлением смотрели друг на друга. Паша вышел в Китайскую беседку, устроенную на Галерее, откуда осмотрел нас, велел ограбленное возвратить и отвести для нас квартиры в христианских домах, и содержать самым лучшим образом, но со строгим приказанием, что каждый хозяин будет отвечать своею головою за побег постояльца. По счастью, христиане, находившиеся в этом городе, все были довольно богаты, а потому мы, прожив недели с две у них, ни в чем не терпели недостатка. В это время Паша призывал нас ежедневно к себе, и расспрашивал о силе нашего флота, о должностях Начальников, о России, о Государе и проч., и делал иногда столь странные вопросы, что мы затруднялись в ответах.

* На Востоке и в Южной Европе вино перевозится в кожаных мешках, по большей части козых, внутри вымоленных.

Наконец, Паша уведомил нас, что Россия объявила войну Порте, и что мы военнопленные, а потому он не может отпустить нас. Мы сначала не верили этому известию; но снисходительный Паша велел своему Советнику (Французу, хотя в Турецком платке) перевести для нас полученный им Султанский фирман (Указ). Тогда с душевною горестию уверились мы в этой печальной для нас новости и отдали Паше наши кортики, которые он принимал со слезами на глазах. Поручив судьбу свою воле Всевышнего, мы взаимно поклялись не оставлять друг друга до самой смерти. Между тем, Паша послал Курьера (Татар) в Константинополь, с уведомлением об нас, и испрашивая повеления как поступить с нами; ему приказано было препроводить нас в Константинополь. Паша, не объявляя ничего нам об этом назначении, начал снаряжать нас в дорогу, то есть выдавал каждому из своей собственности плащ (бурку), седло, узду и несколько мешков пиастров.

10го Февраля Паша простился с нами в своем загородном дворце дружески, слезы изобличили его добрую и сострадательную душу. Строго приказал он Аге или Начальнику конвоя защищать нас от обид и притеснений, и велел брать для нас лошадей, что исполнялось в точности до самой Границы Албании. Но лишь только вступили мы в пределы земель, находившихся тогда под властью изверга Али Паши Янипского – величайшего врага христиан, а особенно русских – с того времени и начались наши страдания, продолжавшиеся до самого Константинополя. Бедствия наши начались тем, что от Города Битолий 13 Февраля не только перестали давать нам лошадей, но даже отняли сбрую, подаренную добрым Ибрагимом.

Мы шли по непроходимым дорогам без одежды и обуви, и только в утесистых горах иногда давали нам на двух человек по одному ослу или верблюду. Странно было смотреть на нас: иной был в мундире без рукавов, другой без воротника, потому что варвары из алчности к золоту сорвали с них шитье. У меня обрезали все пуговицы, и вместо оных я должен был сделать деревянные застёжки. Привыкнув к довольству на флоте, нам

тяжело было переносить всевозможные недостатки, а особенно трудности пути. При выходе из Города Сереса 25го Февраля (в котором считается до 30 тыс. жителей и где живет Паша, которого дворец великолепно отделан в Азиатском вкусе) дорога шла около двух верст Аллеею, насажденною Кипарисными деревьями. За оною представилась нам прелестная долина, на которую природа, по-видимому, истощила все дары свои. Потом дорога привела нас к огромным горам, где между пропастями и оврагами прошли мы расстояние часов на восемь времени и прибыли к Караван сараю, около которого сделан фонтан с четырьмя кранами и ковшами, висящими на цепочках. Гостеприимный старец вышел к нам навстречу и утолил жажду нашу. Фонтан обведен мраморною стеною, которая сверху до низу исписана Турецкими золотыми буквами, означающими деяния и имя строителя. Этот почтенный старец с соболезнанием смотрел на нашу участь, он вынес нам хлеба, что мы приняли с чувствительною благодарностию, ибо около двух дней ничего не ели. Вскоре закричали наши провожатые «гайда» (то есть пошел) и мы расстались с ним.

Вдали сквозь долину открылся прелестный вид Города Мири, лежащего на берегу Архипелага; а в правую сторону были видны острова Имбро и Самондрако, потом показались корабли, и, верно, Русские: но вместо радости они произвели в нас горестное ощущение. К вечеру, 27го февраля пришли мы в Город Мири; квартиру дали нам, как обыкновенно, самую скверную, но нас это уже не беспокоило; мы привыкли к тому, только бы поскорее отдохнуть и быть готовым к дальнейшему походу. 28го числа при холодной и дождливой погоде переправились чрез реку Морицу вытекающую из Балканских гор. При этом имели большую остановку за скопившейся при переправе многочисленной Конницей Измаил-бея.

Всех наносимых нам оскорблений невозможно описать: кто шел тихо или отставал, того погоняли палками; во всяком Городе женщины и мальчики встречали нас ругательствами,

бросали в нас палками и грязью, и провожатые наши не смели защищать нас.

Однажды с нашим доктором случилось весьма неприятное происшествие, которое имело влияние на общую нашу участь. Он был одет самым странным образом; потеряв свои сапоги, он купил себе большие красные, наподобие ботфортов, которые Турки носят в дурную погоду; на плечах имел оборванный докторский мундир, а на голове треугольную шляпу, с которою никак не хотел расстаться. При входе в одну деревню, мы замечаны были камнями и грязью; более всех досталось доктору, отличившемуся от прочих своим костюмом. По несчастию, достался ему на этот раз весьма резвый и упрямый лошак, который, отделившись от нашего каравана, помчал доктора вдоль улицы. Все жители бросились за ним; кидали чем попало и, наконец, поймав, избили до полусмерти и бросили среди дороги; тщетно мы увещевали этих неистовых оставить в покое нашего невинного и несчастного товарища, и не только не успели в этом, но едва сами не подверглись той же участи. После этого случая нам перестали давать лошаков и ослов, даже и по скалам гнали нас пешком. Наш доктор неоднократно подвергался подобным оскорблениям по причине своей большой треугольной шляпы, которая казалась нестерпимою вещью для этого полудикого народа; но, не взирая на это и на наши советы, он никак не хотел расстаться со своим нарядом.

Почти во всех городах, находившихся во владении Али-Паши, многие мечети окружены были полисадами в рост человеческий, которые вокруг унизаны человеческими головами. По счастью, этого изверга не было тогда в своих владениях; он был в походе против Сербов, восставших на Султана под Начальством Георга Черного; иначе, может быть, и наши головы остались бы на полисадах. Во многих городах мы были свидетелями казни Сербских пленников; кажется, что нас нарочно вели чрез места, где производились над Христианами разного рода неистовства; не было ни одной деревни, где бы не висел человек на самой проезжей улице; ибо убить христианина по-

читается у них вещью самую обыкновенною, на которую никто даже не обращает внимания. Напротив того, жившие в той стране Греки и Гречанки с состраданием встречали своих единомерцев, украдкою на дороге подкидывали хлеба и на ночлег приносили вина и пищи.

Наконец мы вступили в Румелию и 10го Марта были уже в прекрасном укрепленном при мраморном море Городе Родосте, имеющем около 6 тыс. жителей, в котором набиралось тогда войско против Русских, вступивших уже в Молдавию под предводительством Генерала Мехельсона. Нас вели вместе с наборщиками, которые, призывая жителей поспешить под Знамена Магометан, поощряли их бить и брать в плен Русских. Жители, видя, что при самом начале войны уже ведут пленных, ободрялись, полагая, что весьма нетрудно на войне приобрести богатую добычу. Таким образом, наборщики, влача нас с позорища на позорище, и как бы в торжестве набрали множество охотников для Армий, которые спешно оставляли свои дома и следовали за нами с оружием и лошадьми. Находясь посреди этого разъяренного народа, мы должныствовали быть свидетелями разных жестокостей, производимых над Христианами, и ежечасно ожидали своей гибели. К счастью, наконец, мы избавились от этого неприятного сотоварищества; войско Измаил-Бея остановилось лагерем, а мы продолжали путь свой далее.

После выхода нашего из города Родоста 13го числа прибыли на ночлег в Караван-сарай, принадлежащий одной прелестнейшей, но полоумной женщине, прежде бывшей наложницей Султана. Узнав о прибытии Москов Гяур (то есть Русских неверных), она прискакала вооруженною в богатейшем платье с открытым лицом, и быв чужда нежности, свойственной прекрасному полу, и исполнена дерзости, не дав нам отдохнуть и не накормив нас, велела выгнать нас из селения. Наш Ага (Полковник), не смея противоречить, принужден был вести нас далее, не взирая на дождь, холод и слякоть.

В это время случилось с нами ужасное происшествие: один из наших матросов заболел, но не желая разлучиться с

своими товарищами, кое-как перемогался, другие матросы, опасаясь оставить его посреди этого варварского народа, попеременно помогали ему идти. Наконец этот несчастный впал в такое расслабление, что не мог двигаться, он умолял своих товарищей не оставлять его на погибель в земле неверной. Конвойные, под предлогом, что больной делает остановку в пути, вырвали его насильно из наших рук, и в присутствии нашем один Турок отрубил ему голову, а другие, пробуя сабли над его телом, рассекли оное на части, потом воткнули голову на пику и везли ее перед нами.

14го Марта прибыли мы в многолюдный и укрепленный город Селиврию при Мраморном море, обширную гавань. Поблизости его к Столице нас задержали и в тот же день отправили в путь. Дорога и день были прекраснейшие, повсюду представлялись обработанные поля и виноградные сады.

16го Марта, с восхождением солнца, открылись нам золотые шпицы Стамбула или Царь-Града. По мере нашего приближения число их возросло пред нашими глазами, и наконец, казалось, что весь город был покрыт золотою сетью. Между множеством золотых кровель отличалась высотой и позолотою кровля Св. Софии, бывшей прежде Христианским Собором, а ныне превращенной в Мечеть неверных. Дорога, ведущая в Столицу, прекрасна: с обеих сторон находится множество гранатовых, абрикосовых, фиговых, ореховых и оливковых деревьев; вдали видны поля, насажденные виноградными лозами. Почти на каждой версте находятся фонтаны из белого Мрамора с золотистыми надписями, при них висят золотые или серебряные ковши на таких же цепочках; подобная роскошь находится и во многих других городах Турции. Во время моего путешествия в различных странах, я нигде не видел, чтоб водопроводы были доведены до такой степени совершенства, как в Турции.

Мы благодарили Бога, что нас вели такою дорогою, на которой уже никаких неприятностей не могли предвидеть; сверх того, мы приближались к Столице; нас гнали в неснос-

ный жар с такою поспешностию, что в 4 часа пополудни мы находились только за четверть версты от ворот Константинополя, где нам велено остановиться. Истомленные жаром и усталостию, мы легли отдыхать в тени фруктовых деревьев подле богатого фонтана. Пред нашими глазами возвышалась крепость или семибашенный замок, куда запирают Иностранных Министров, и где сидел в царствование Императрицы Екатерины II наш посол Яков Иванович Булгаков. В это время Ага, проводжавший нас, поехал в город к Визирю, уведомить его о нашем прибытии, а мы предались сладостным надеждам в той уверенности, что здесь, без сомнения, окончатся наши страдания, и что Иностранные Послы защитят нас и окажут помощь. К несчастию нашему, Русский Посланник Тайный Советник Итальянский, за три дня до прибытия нашего выехал с своею свитою из Константинополя на Английском фрегате в Мальту. Чрез полтора часа возвратился наш Ага и объявил, что немедленно придет за нами отряд Янычар, а потому он должен с нами проститься. Между прочим он сказал нам, что если у кого из нас есть деньги или дорогие вещи, которые были у некоторых защиты в платьях, то он советует отдать ему в сохранение, ибо не ручается за нашу жизнь, по жадности Янычар, а чрез три дни, ежели мы останемся живы, обещал возвратить нам введенные ему вещи. Этот Ага получил приказание от Ибрагима Паши поступить таким образом, и сверх того, привести какой-нибудь от нас вид или Свидетельство в том, что он обходился с нами в пути хорошо. Все оскорбления, претерпенные нами, вовсе не относились к Аге, который делал для нас все, что от него зависело; и так, поблагодарив его за его кроткое с нами обхождение, мы отдали ему все, что имели лучшего, а по прибытии на место обещали дать требуемое им свидетельство.

Но надежда на лучшую будущность нас обманула; положение наше было так же бедственно, как и прежде; пришедшие за нами янычары ввели нас в город по два в ряд: возле каждого шел янычар с обнаженным кинжалом, держа пленного за воротник. Жители городские собирались толпами, любопытст-

вужа видеть Русских: одни смеялись над нами, другие плевали в лица или били палками по головам. Мы шли как тени, ничто не чувствуя, и со смирением ожидали смерти.

Наконец нас привели к Верховному Визирю на двор, посреди которого сидело человек около 50 пленных Сербов в кандалах: они находились тут уже трое суток. Мы были свидетелями, как свершился над ними приговор, и как всем им по очереди рубили головы. Между тем как это происходило, начали нас обыскивать, и почти оборвали до рубашки. Мы не видали Верховного Визиря, от того ли, что тут было множество народа, или что мы не смели приподнять глаз. После сказывали нам, что с ним тут сидел Французский Посланник Генерал Себастиани, бывший свидетелем нашего унижения. Вдруг кто-то, надобно думать сам Визирь, мазнул платком, и нас повели в прежнем порядке чрез город; едва передвигая ноги и устремляя глаза в землю, мы не видали, что вокруг нас происходило, и тогда только опаматовались, когда очутились на берегу Константинопольского залива. Нас посадили на большие перевозные суда и повезли неизвестно куда, мы же полагали, что везут на противолежащий берег Азии в город Скутари, чтобы оттуда отправить в дальнейшие провинции и всех, как невольников, продать. Но переезд наш, сверх нашего чаяния, продолжали недолго, - мы увидели себя в части города, называемого Галата, где находится их Адмиралтейство; там вооружаются военные корабли, там Арсеналы, Магазины, верфи для строения Кораблей и здание для сухопутной артиллерии; в той же части города живет Капитан Паша (Великий Адмирал).

По выходе на берег провели нас чрез трое железных ворот на обширный двор, посреди которого выстроен огромный каменный дом с слуховыми только окошками; в нем содержатся их преступники скованные попарно. Звук цепей прежде всего поразил наш слух и предсказал о нашей участи; тут уже находилась человек 200 русских, взятых в плен в Молдавии, которые с радостью выбежали к нам навстречу. Этот дом называется Банье (каторжный двор), он выстроен нарочито для госу-

дарственных преступников и состоит из двух этажей, - из коих верхний, род палатей, поддерживается столбами с прибитыми к ним цепями, на которые сажают самых важных преступников, а прочие все до единого человека скованы попарно: свет в тюрьму проходит только из слуховых окошек и из дверей, в углу в стене находятся два крана с водою для питья, с двумя медными ковшами на цепочке. Всего несноснее, что тут же, немного в сторону, отделено место для всякой нечистоты, которая очищается не более как один раз в неделю; и ужасное зловоние исходит из этого места. Вогнав нас туда, они начали сковывать нас попарно, не разбирая кого с кем. Товарищами нашего заключения были главнейшие преступники Государства, у которых или отрублены были руки по кисть за воровство, или отрезаны языки за дерзость.

Начальник этого дома был Магмет, такой же преступник, как и прочие. Он служил некогда матросом на одном судне, крейсировавшем в Черном море, которое от четырехдневного шторма погибло со всем экипажем. Один только Магмет, схватившись за доску, плыл на оной почти два дня по открытому морю, пока не спасло его Русское военное судно, вышедшее из Севастополя. Пробыв два дня без пищи, в беспрестанном напряжении сил, он на другой день своего спасения впал в сильную горячку. Капитан велел его пользоваться, кормить, одеть, и, наконец, по выздоровлении, снабдив всем нужным, отправил в Константинополь на купеческом корабле. Тут сделал он какое-то важное преступление, и присужден был на кол. Он уже сидел на нем, как принесли милостивый фирман (Указ) об его прощении, если он еще в живых. Магмета долго лечили, и как он от повреждения внутренности не мог иначе ходить, как на костылях, то вместо пенсии сделали его Начальником тюремного дома. Из благодарности за спасение он на нас изливал всю свою ненависть; по внушению его даже шестилетний сын его приходил иногда бить нас палкою; и мы должны были терпеливо сносить удары, и слушать как нас называли: Кюпек Гияур Москов (Собакой неверной Русской).

Вместе с нами содержалось до 400 людей разного звания; из числа их было 30 осужденных на вечное заключение, за грабежи производимые ими на Архипелажских островах под начальством известного Корсара Ламбро-Качиони. Между ними не было никакого различия, кто где лежал, тут же и спал, имея вместо изголовья полено; мы сами мыли свои рубашки, и пока они сохли, сидели наги, ибо у каждого было по одной только рубашке. При захождении солнца сгоняли нас со двора в тюрьму и впускали попарно счетом. Если случилось, что один из счетчиков ошибался, то опять всех вгоняли и снова считали, на ночь запирали дверь, укрепляя ее цепями, кругом ставили караульных, которые чрез каждый час били в барабаны, и после каждого боя спрашивали у старшины внутренней стражи, хорошо ли все, и когда он отвечал хорошо, то все кричали Иншаллах! (слава Богу). По утру пересчитывали нас снова и выгоняли на работу. Представьте положение наше: чистого воздуха ниоткуда не выходило, от нечистоты сарай наполнялся нестерпимым зловонием, во всю ночь только и слышны были жалобы и стоны несчастных, и звук цепей. Каждоночно мы просили Бога о скорейшем появлении дневного света, чтобы хоть несколько подышать свежим воздухом. Турецкое Правительство отпускало нам на прокормление по небольшому хлебу и понемногу пиллава, сваренного в общем для всех котле.

Нежное отеческое сердце Государя Императора Александра проникло и в преисподнюю. Он не забыл о нас несчастных, и повелел чрез Датского Посланника Барона Гипса оказывать нам пособия; но из присылаемых денег доходили до нас только половина, другую брали тюремщики, мы более жили подаванием Греческого Патриарха и других греков; но и этих лучшая часть того, что нам присылали, так же пропадала. В день Светлого Воскресения Патриарх велел поздравить нас с праздником и прислал яиц с большою корзиною хлеба; тюремщики, однако, воспользовались большей частью этого подарка. В субботу приходил к нам Драгоман (переводчик) Барона Гипса и приносил каждому из нас следуемые за неделю

деньги, которые тотчас же расходились в Кофейной, заведенной тюремщиками. Мы отдавали наше жалованье за густой кофей без сахара и без сливок, и за табак, который мы курили с утра до ночи. Сверх того наш любезнейший товарищ В.А. Сафонов открыл еще способ помогать себе и нам: выпросив у Адмиралтейских писцов красок и бумаги, он нарисовал однажды маленький морской эстамп для Турка, которому чрезвычайно он понравился; после этого многие Турки приходили посмотреть на искусника и просили его рисовать, задавая ему мысли. Как сметливый человек, он всегда рисовал, что Турецкий корабль разбил три Английских и иногда Французских; это им очень нравилось, за что они и приносили ему арбузы, дыни, виноград, хлеб, баранину, даже иногда и деньги, которые он делил с нами.

Внутри тюрьмы находилась небольшая Христианская Церковь, которая была единственною нашею отрадою. Она сделана была по просьбе Императрицы Екатерины II для Русских пленников, которых было здесь много в последнюю войну с Турками. Ежедневно приходил сюда по приказанию Патриарха монах для служения. Однажды в день преполовления случилось несчастье, которое могло иметь последствием совершенное истребление Церкви. Священник и все бывшие у обедни скованные Христиане пошли с образами и хоругвями по двору, тюремщики с удивлением смотрели на эту процессию. В это время один Грек из Команды Ламбро Качиони вздумал по неосторожности сказать Туркам: «Смотрите, точно с такою процессию Христиане войдут в вашу землю и возьмут Константинополь». Оскорбленные Мусульмане бросились на нас, всех разогнали и били без пощады, с трудом успели внести образа в Церковь и запереть ее, чтобы предохранить от конечного истребления. Несчастливого же Грека наказали жестокими ударами по пяткам. Где отрада Бог, там можно переносить несчастья.

С нами содержался один несчастный Армянин, по имени Геремиян, который от мучений совести не мог ни пить, ни есть и до того изнурился, что совершенно ослаб; ему свело ноги на-

зад, и он ползал на коленях. Капитан наш, из сожаления к нему, предложил нам делиться с ним подаванием. Но этот несчастный беспрестанно сохнул, раскаивался в своих преступлениях и день и ночь, молился у порога Церкви, считая себя недостойным войти в оную. В день Светлого Воскресения, во время заутрени, он, по обыкновению, был на своем месте, то есть на Церковном пороге; когда мы проносили мимо его плащаницу и запели Христос воскресе, Армянин, усердно желавший к ней приложиться, вдруг почувствовал в себе довольно силы, чтобы подняться. С этой минуты он исцелился, но еще чувствовал в себе слабость и ходил как младенец. Слух об этом чуде вскоре распространился по всей тюрьме. Священник донес о том Патриарху, который прислал исцелившемуся свое благословение. Ежедневно приходили Христиане смотреть его и приносили ему подавание, но он не получал ничего, потому что тюремщики брали все себе и никак не верили чуду, говоря, что армянин притворился и хотел обмануть, чтобы при удобном случае уйти из тюрьмы. Они заковали его в одни цепи с жидом, величайшим злодеем, и по нашим только усиленным просьбам согласились перековать его с Христианином, что, по крайней мере, доставило ему возможность ходить ежедневно в Церковь и возносить благодарные мольбы ко Всевышнему за его милосердие и за совершившееся над ним чудо.

Один из наших матросов умер от тяжелой болезни. Немедленно мы дали знать об этом тюремщику и просили, чтобы его расковали от товарища, но он сам собой на то не решался, и живой должен был оставаться с мертвым до половины дня. Тогда явились четыре Члена Дивана для освидетельствования тела: мертвого били палками по животу, вбивали ему палку в рот, и наконец видя, что, что нет в нем движения, велели выбросить его в Пролив. Между тем всякий день приводили к нам на двор преступников и совершали над ними разного рода казни. Однажды увидели мы тут Грека, человека лет 35, за ним необыкновенной красоты 19-летнюю Турчанку, обвиненных в непозволенной связи. Казнь совершилась над ними следующим

образом: Грека в присутствии нашем положили на пол, надели ему на шею петлю и велели двум невольникам затянуть ее; им отдали за труды одежду несчастного; красавица равнодушно взирала на все происходившее; по окончании казни раздели ее до нага, посадили в мешок, завязали оный и, прикрепив к нему два камня, бросили в Константинопольский пролив. Такого рода преступления никогда не прощаются, ибо считают величайшим преступлением связь Турчанки с Христианином.

В течение этого времени флот наш под начальством Вице-Адмирала Д.Н. Синявина прибыл к Дарданеллам, где и соединился с Эскадрою Англинского Вице-Адмирала Дукварда, только что возвратившегося из бесполезной экспедиции противу Константинополя. Как адмирал Дуквард не согласился на вторичный прорыв сквозь Дарданеллы, то наш Главнокомандующий тотчас по отплытии Английского флота, 10 Марта, взял Крепость на Острове Тенедос с 82 пушками и 2 тыс. Гарнизон, который положила ружье отпущен был на честное слово не служить в продолжении войны. Приобретя пред самым устьем Дарданелл укрепленный пункт с безопасным пристанищем для флота, Д.Н. Синявин учредил столь строгую блокаду, что в продолжении войны ни одного корабля не прошло в Константинополь.

7го Мая Турецкий флот, вышед из Пролива, стал пред Дарданеллами, наш Адмирал видя, что Капитан Паша не расположен атаковать его, повел флот свой при противном ветре к неприятельскому; быстрое течение и слабый ветер принудил Адмирала возвратился на другой день на прежнее место. В отсутствие его, Турки в намерении отнять у нас Тенедос, высадили сильный отряд, который с потерею 1000 человек и двух канонерских лодок, пущенных ко дну, был отражен. Наконец 10го Мая флот наш, пользуясь попутным ветром, атаковать Турецкий, который, желая уклониться от сражения, бежал; но не взирая на крепости, тесноту пролива и ночь, был догнан и сильно разбит. На другой день три неприятельских корабля, стоявшие на мели у Азиатского берега, были разрушены почти под вы-

стрелами своего флота и крепостей. Капитан Паша столько был уstraшен храбрым нападением Синявина, что 11го числа не смел всем своим флотом атаковать наших 4 корабля, нарочно оставленных, чтобы выманить Турок из пролива. Турецкий флот потерял 4 линейных корабля, из коих один утонул, а три оказались неспособными, потеря в людях простиралась до 2 тыс. человек.

Голод и неудовольствие янычар при известии, что Султан начал заводить регулярные войска, стоило Селиму головы. Новый Султан усилив флот свой, повелел Капитан Паше Сейду Али во чтобы ни стало взять Тенедос, 10го Июня Турецкий флот вышел из пролива, и, так же как прежде, остановился пред оным, не смея атаковать нас и с превосходною силою. Синявин, надеясь на храбрость гарнизона, отошел от Тенедоса в намерении, обойдя остров Имбро, отрезать Турецкий флот от Дарданелл и тем принудить его принять сражение. План сей исполнен счастливо. 15го Июня, когда флот наш скрылся за остров Имбро, Турецкий флот спустился к крепости, атаковал ее кораблями и лансонами; а между тем перевез на остров с Анатольского берега 10 тыс. войска.

16го Июня, на рассвете Турки атаковали Тенедос, защищенный двумя неполными батальонами Козловского полка, с моря - кораблями и с сухого пути - высаженными войсками. Два дня и две ночи сражение, упорное и кровопролитное, продолжалось без умолку, храбрый гарнизон, состоявший из 800 человек, вспомоществуемый Греками, коих под ружьем находилось около 400 человек, устоял противу всех усилий неприятеля и отбил два штурма. 17го Июня флот наш, обошед остров Имбро, и этим движением отрезав неприятеля от Дарданелл, спустился по ветру к Тенедосу. Капитан Паша, предоставя высаженным войскам покорение крепости, бежал к Югу. Синявин, снабдив крепость снарядами и рассеяв неприятельскую гребную флотилию, стоявшую противу Тенедоса, у Анатольского берега, пустился в Архипелаг искать неприятеля; счастье

ему благоприятствовало. 19го Июня неприятельский флот найден и разбит совершенно.

Достопамятное это сражение произошло между Островом Лемносом и Афонскою горою. Турки, имея против наших 10ти линейных кораблей в линии 10 кораблей и 5 больших фрегатов, 3 малых фрегатов и 2 брига, потеряли три линейных корабля и 5 фрегатов, так что от прежнего флота возвратились в Дарданеллы только 12 судов.

Победоносный флот возвратился к Тенедосу, и Турецкий корпус, после тщетных усилий и нескольких штурмов, потерял из 10 тыс. более половины убитых; оставшийся 4600 человек положил оружие пред храбрым Козловским полком. Судя по упорному сопротивлению, неприятель потерял убитыми и ранеными на флоте до 5 тыс. человек. Наша потеря на флоте и крепости состояла из 674 человек убитых и раненых.

Лишь только известие о разбитии Турецкого флота в самых Дарданеллах дошло до Константинополя и наконец до нашей тюрьмы, то несколько времени держали нас взаперти, не выпуская на двор до тех пор, пока не явились отпущенные с острова Тенедоса Адмиралом Синявиным пленные Турки. Они приходили к нам в тюрьму, рассказывали как хорошо обходились с ними Русские, и изъявляли сожаление, что Диван не так поступает с нами. Мы ждали, что после вышеупомянутого сражения произойдут между нашими дворами какие-нибудь сношения, и нас освободят: но вместо того 25го Майя* в самом

* Здесь следует упомянуть Дарданелльское сражение 10 мая 1807 г., которое в русской историографии считается успешным. Вслед за этим сражением 12 мая прибыл императорский посланник Поццо-ди-Борго, который, ввиду неудач русских войск против французов, был уполномочен императором заключить мир с султаном. На следующий день адмирал Сенявин отправил парламентаря, который должен был договориться о месте и времени проведения переговоров. Однако в из-за бунта янычар(был вызван военными поражениями и переустройством армии на западный манер) и смены султана ответ был получен лишь 28 мая. Окружение нового султана стремилось продолжить войну и разрядить таким образом обстановку в Стамбуле.

Константинополе случилось ужаснейшее происшествие. В одну ночь 40 тыс. человек янычар, недовольных Султаном Селимом за то, что он хотел преобразовать на Европейский образец свои войска и уничтожить янычар, вознамерились предупредить его намерение. Они собрались из Дарданелльских крепостей на батарею в Топ-Хан, против Сералья, и требовали выдачи Министров. А как эта Батарея находилась возле нас, то мы были в величайшем страхе, чтобы недовольные не ворвались к нам и не перерезали всех, ибо на пути они рубили попадавшихся им Христиан и стреляли из ружей и пистолетов в их дома. Все лавки в тот день были заперты, и никого не было на улицах. Испуганные Мусульмане, Армяне и жида бежали к нам толпами в тюрьму, чтобы скрыться от напасти; число до того умножилось, что тюремщики, боясь так же янычар, с трудом могли затворить дверь. Между тем Султан отказал выдать своих министров: тогда мятежники переправились у самой нашей тюрьмы чрез Пролив к Сералю, и как ворота оного были заперты, а по Закону никто не смеет ворваться насильно, хотя бы скрывался за оными величайший Государственный преступник, то янычары решились прождать тут целые сутки до Пятницы, в который день Султан должен непременно выехать, а в случае болезни велит вынести себя в Мечеть Св. Софии. Когда настал желанный ими час, они построились в два ряда от самого Сералья до Мечети, и Султан со всею свитою торжественно и со спокойным лицом проехал между ними: но когда он молился в Мечети, недовольные взяли из-под присмотра 23-летнего племянника его Мустафу и провозгласили его Султаном.

Мустафа, по Турецкому обычаю, дабы утвердиться на престоле, повелел удавить Селима. В скором времени Мустафа так же был убит нынешним Султаном, братом его родным Махмутом, родившимся в 1785 Году. Всех бывших с Селимом

Именно исход вышеупомянутого сражения давал Клементу некоторую надежду на скорое освобождение из плена.

Министров тут же схватили, отрубили им головы и воткнули на пики, поставленные на разных улицах, с надписями, кто за что казнен. Новый Султан Мустафа всем невольникам, содержащимся в нашей тюрьме, равно и нам, прислал по червонцу.

Одного Министра жида согласились за большие деньги вынести в гробу за город; но он был найден и так же зарублен. Таким образом, Селим, умнейший из Султанов, был свержен и убит.

Между тем положение наше становилось час от часу тягостнее: обременявшие нас цепи растерли нам ноги до крови, так что с трудом мы двигались. Это заставило нас подумать об участии своей, и мы решились просить всех оставшихся в Константинополе союзных нам посланников чрез письма о помощи и защиты у Султана, чтобы, по крайней мере, нас расковали; мы представляли, что нигде не поступают так варварски с Российскими Императорскими Офицерами, как здесь. Мы получили в ответ, что они, не быв в силах сделать что-нибудь в нашу пользу, советовали нам обратиться к Французскому Посланнику Генералу Себастиани, который пользовался большим влиянием в Диване и он один мог облегчить нашу участь. Мы написали к нему письма, вежливо и подробно изложив наши обстоятельства, присовокупили, что хотя у нас с Французами война, но что он, по природному состраданию, вероятно, не откажет принять участие в бедственном нашем положении. Мы попросили Грека отнести письмо наше, обещая ему за труды, и на другой день получили весьма грубый ответ, в котором было изъяснено, что Генерал Себастиани удивляется, как мы можем надеяться от него защиты, тогда когда мы первейшие враги его Государя.

С этим ответом исчезли наши надежды; тогда возложили мы упование на одного Бога, ибо кроме его никто не мог положить конца нашим мучениям. Вскоре это действительно случилось. Тильзитский мир успокоил на время Европу с Оттоманскою Империею, заключено перемирие в Архипелаге и в Молдавии; между тем при заключении мира Император Напо-

леон повелел Посланнику своему стараться об освобождении Русских пленных. Генералу Себастиани стоило это немалого труда, потому что с ними заключено было только перемирие, но он убедил членов Дивана уверением, что самый мир вскоре будет заключен, и по оному не только пленные будут освобождены, но и все взятые и истребленные Адмиралом Синявиным Корабли будут возвращены. Первый Секретарь Французского Посольства с Чиновниками от Дивана прибыли в тюрьму ночью. Ничего не зная и довольно уже напуганные прежними примерами, мы сперва думали, что нас пришли удавить, ибо это обыкновенно делалось в ночное время. Но когда услышали от Француза поздравление, то долго не верили ему; наконец, когда начали нас расковывать, мы не могли проговорить ни слова, залились слезами и бросились на колена, благодарили от всего сердца Всевышнего. Служителю, который нас расковывал, каждый из нас дал по пиастру. Секретарь требовал, чтобы мы показали ему всех Русских поданных. Мы этим воспользовались и включили в число наших пленных 150 человек совсем посторонних товарищей нашего заключения. Разумеется, мы не забыли несчастного Армянина Гермияна.

Счастливым день нашего избавления был 27го Декабря. Нас вывели ночью: идя по улицам, все еще не верили мы своему благополучию, пока не очутились в части Города Пере, где живут зимою Иностранцы и Европейские Посланники; мы пришли в дом нашего Посланника, где нас встретили охранявшие оный Янычары, которым велено и нас беречь. Все Иностранные Послы всегда содержат при себе несколько этого наемного войска, которое предшествует им, когда они куда-нибудь выезжают. Они самые верные и надежные люди, Послы одевают их весьма богато, то есть дают им шитое золотом платье, две или три шали, по большей части белые, пару пистолетов и кинжал, оправленные золотом (за то они подвергаются презрению и ненависти собратий своих, которые считают унижением служить за деньги неверным). Посланники даже в от-

судствии своем препоручают им дворцы со всем, что в нем находится.

На другой день Датский Посланник Барон Гипс пришел к нам с поздравлением; а Французский Посланник Генерал Себастиани дал знать нам, что он приказал причислить нас к своей Свите для того, чтобы не было известно в городе о нашем освобождении, а потому и советовал пришить Французские кокарды к нашим шляпам и называться Французами, он опасался, чтобы в противном случае нас опять не захватили и не посадили в тюрьму, тем более, что Вице-Адмирал Синявин не возвратил Порте взятых в сражении Кораблей*.

Французскому трактирщику, возле нас жившему, приказано было доставлять нам ежедневно пищу. Имея сильное желание возвратиться в отечество, мы обратились к Генералу Себастиани с просьбою об отправлении нас в Одессу, но как мир с Портой не был еще заключен, то ни один Шкипер не соглашался нас отвезти; и так до перемены обстоятельств мы принуждены были жить в Константинополе, что продолжалось около трех месяцев.

В продолжение этого времени ежедневно ходили мы с Янычарами рассматривать город. Я не намерен описывать Константинополь подробно; он довольно уже известен; упомяну только о некоторых предметах заслуживающих внимания. В Европе везде видите вы одно и то же, а здесь одежда, обычаи, нравы, разговор и самый ход дел совсем отличен от Европейских: здесь улицы узки и грязны, на иной найдете убитого человека, на другой падшую лошадь, а иногда увидите человека пригвожденного ухом к дверям лавки, за обвес какого-нибудь товара, и в особенности хлеба, для большего еще мучения обмазывают голову и лицо преступника медом и тем привлекают

* В ходе Афонского сражения 19 июня 1807 г. был захвачен турецкий линейный корабль «Сеид-аль-Бахри». При захвате выяснилось, что у турок служили военнопленные – 7 английских матросов и 11 русских моряков с корвета «Флора», сослуживцев Клемента.

к нему мух. Везде окружает вас куча собак, которые ходят здесь стадами и находятся у жителей в большом уважении. Каждый хозяин дома всякое утро выносит им корм, Христианин не смеет даже на них крикнуть, а должен их обходить.

Первое желание наше было видеть Церковь Св. Софии, которая поражает своею огромностью и заслуживает удивление по высоте ее башень и по прекрасной ее внешности. Она находится неподалеку от Султанского дворца (Серая). Христиан в нее не пускают, по рассказам она украшена яшмовыми и порфировыми колоннами, мозаиками и изящною скульптурною работою. Все эти украшения сделаны Греческим Императором Констанцием, который после бывшего землетрясения в Константинополе желал сделать его первым Храмом во всем мире.

Неподалеку от Церкви находится величайшая площадь, называемая Гиподромом, а по-турецки Се-ат-Мейдан, служащая поныне, как при Греках, для ристалища. Колонна из Египетского гранита; Пирамида из граненого камня и медная колонна, состоящая из трех свитых змей, головами кверху, а хвостами вниз и поныне украшают сию площадь. Рассказывают, что когда колонна сия была привезена в Царь-Град жида, видя тяжесть оной, непременно хотели купить ее у Правительства, и в самом деле, заплатив значительную сумму, тут же на площади начали оную распиливать; но вместо воображаемых ими червонцев начал выходить оттуда смрадный запах, от которого все рабочие умерли, отчего будто бы и началась в первый раз в городе моровая язва.

Отвыкнув в тюрьме от продолжительной ходьбы и устав от сильного зноя, мы решились возвратиться домой, но увлекаемые любопытством, зашли в Кофейный дом, где Турки предаются неге. Там застали мы множество празднолюбцев, сидевших на софе с поднятыми ногами, и рассуждающих о политике. Мы сели так же, пождав ноги, между ними и по их обычаю пили кофей без сливок и сахару и курили трубки. Отдохнув, возвратились мы домой без всякого неприятного приключения; после обеда пошли опять для прогулки в город.

В Константинополе публичных садов нет, они заменяются кладбищами, которых чрезвычайно много, их называют здесь (Сатродитокте), полем мертвых. Тишина сих мест согласуется с мрачным характером Турок, и потому они любят ходить туда. На кладбищах много кофейных домов, чрезвычайно привлекательных для этого народа, имеющего величайшую склонность к праздности и неге. Сверх того, гуляющие наслаждаются здесь приятною прохладой под тенью Кипарисов, которых густые ветви не пропускают солнечных лучей*.

По возвращении домой мы предавались восхитительным мыслям о скором нашем освобождении и отправлении в Отечество.

По обычаю страны своей любя баню и наслышавшись много хорошего о Константинопольских, я отправился в одну из лучших; здесь их очень много, и вообще замечательны чистотой своей. В первой с прихода обширной зале на мягком вдоль стен расположенном диване раздеваются; потом банщик принимает вас на свое попечение и, завернув в простыню, ведет в другую залу, меньше первой, в которой уже теплее, оттуда переводит в третью, где еще теплее, наконец в четвертую, где жар несноснейший. В этих последних залах возле стены устроены мраморные бассейны, на каждом по два крана, один для горячей воды, другой для холодной; кто хочет мыться, того сажают возле бассейна, где банщик трет его сначала особенно-го роду суконкой, от которой вся нечистота с тела сходит; потом покрывает мыльной пеной и, наконец, обмывает, наливая на голову несколько ушатов воды; после этого осторожно выправляет все члены, точно так, как у нас костоправы правят переломленную руку или ногу. Наконец, закутав голову и все тело полотенцами, надев на ноги деревянные башмаки (пол, сделанный из чистого белого мрамора так горяч, что голою

* Запрещается ломать ветви кипарисов растущих на кладбищах у каждой могилы, отчего кладбища сии представляются прелестнейшими густыми кипарисными рощами.

ногою ступить нельзя), банщик переводит в первую залу и кладет на диван. После небольшого отдохновения подают кофей и трубки. Бани назначаются четыре дня в неделю для мужчин и три дня для женщин. В первой зале богатые Турчанки являются всем своим блеском в лучших нарядах, и каждая старается превзойти пышностью соперниц своих: это время для них есть самое приятное; но неумеренное употребление бань в несколько лет уничтожит свежесть лиц их. Окон в банях нет; а свет входит с купола, в котором вставлены разноцветные стекла.

Наслышавшись очень много о странных обрядах Дервишей или Монахов и желая видеть оные, мы просили Датского Драгомена быть нашим руководителем; он избрал для нас Орден дервишей кружащихся. С ним пришли мы в круглую огромную залу, вокруг которой сделана была загородка для зрителей и хоры, где играла музыка, состоявшая их двух или трех маленьких барабанов и флейточек, весьма пронзительных для слуха. Вдруг является около 30 дервишей и с чрезвычайным набожным видом садятся кругом внутри загородки. Начальник их сидел также в углу, но только на ковре; мы с нетерпением ожидали окончания, ибо несносная музыка выгоняла нас противу воли. Дервишам также, видно, она не нравилась, ибо читая молитвы так же, как и мы заткнули уши пальцами.

По окончании молитвы дервиши встали, сняли свои мантии и вместо оных надели на себя длинные юбки, потом, подняв руки вверх, начали вертеться в круге всей залы до того, что юбки их, надувшись от быстрых движений дервишей казались фижмами; в этом кружении они падали без чувств. Станный этот обряд произвел на нас самое неприятное впечатление, и мы спешили оставить бедных Дервишей, не дождавшись чем они кончат свою молитву. На дороге Драгоман рассказывал нам, что это кружение оканчивается тогда, когда все попадают без чувств, полагая, что в это время они отделяются от земли и сообщаются с Божеством.

На улицах ни у одной женщины невозможно рассмотреть лица; они покрываются всегда длинными суконными по-

лотнищами и закутывают все лицо в кисею, так что одни глаза только видны. Вообще, уверяют, что между ними много красавиц. Искусство возвышать прелести свои разного рода притираниями у них доведено до большего совершенства, нежели между нашими дамами. Они красят волосы черной краской, а ногти красной. Турок, армян и жидов можно отличить только тем, что Турецкие поданные носят сапоги желтые, Армяне красные, а жида синие. Зеленый цвет вообще присвоен потомкам Магомета.

В одну Пятницу нам посчастливилось видеть выезд Султана в Мечеть. Церемония эта отличается великолепием: Янычары строятся в два ряда от самого Сералья до Мечети Св. Софии, множество придворных Чиновников сопровождают Султана, впереди едет верхом Церемониймейстер с обнаженною саблею; а по бокам идут пешие пажы в огромнейших шапках с страусовыми перьями; многочисленная свита окружает Султана так, что едва можно видеть одну его голову.

При появлении Его Величества весь народ падает ниц; мы же, по обыкновению стоя с Драгоманом Датского Посланника в толпе народа, хотели снять шляпы, но нам было запрещено, ибо это считается неприличным; когда Султан сошел с лошади и вошел в Мечеть, тогда мы пошли посмотреть его лошадь, которая отличалась породою и драгоценною сбруею.

Мы не упустили случая быть свидетелями отличного праздника, который совершается на память взятия Турками Константинополя в конце Константинопольского пролива на обширном и прелестном месте, называемом (Aqua-Dolce) сладкая вода. Тут собирается бесчисленное множество народа — курить табак, пить шербет и густой кофей; все прогуливаются около бассейна, прекрасно выделанного из самого чистого мрамора, в котором плавают семь рыбок; гуляющие бросают непременно в сей бассейн одну пару или более (одна пара стоит три денежки). О сих рыбках предание говорит таким образом: когда Турки при Императоре Константине Палеологе овладели Константинополем, то бежавшие Греки увидели на пути дым из

трубы небольшого домика; войдя туда, они удивились, что Гречанка, не зная ничего о происходившем, жарила семь рыб; Спасайся, если не хочешь быть в руках варваров! Сказали ей бегущие, но она, не веря происходившему, отвечала, что только тогда подумает о спасении, когда рыба спрыгнет с ее сковороды; спустя несколько минут это действительно случилось. Народ по сих пор верит этой сказке.

Однажды как мы все были дома, приезжает от Генерала Себастиани Адъютант и приносит нам радостную весть, что приискано судно для отправления нас в Россию, и что мы чрез день изготовились. Представляя себе наше положение, каждый легко может вообразить с каким восторгом приняли мы эту радостную новость. Судно было из Триеста под начальством Италианца. По изготовлении оно в Буюк-дере (место, где живут летом Иностранные Министры) Себастиани отправил нас туда тайно ночью; дождавшись попутного ветра, мы пустились по Каналу, любясь по обеим сторонам прелестнейшими местами и зданиями, особенно же внимание наше обращали на себя крепости и старинные дворцы.

Выйдя в Черное море, мы еще раз возблагодарили Господа Бога за избавление нас от всех бедствий. Пользуясь сильным попутным ветром, чрез двое суток мы были уже в Одессе, где, по существующим узаконениям, должны были выдержать 40-дневный карантин, хотя и не были заражены. Достоинейший Херсонский Военный Губернатор Дюк-де-Ришелье ежедневно приезжал к нам и обращался с нами весьма благосклонно, присылал все нужное и даже кушанье со своего стола, наконец, уверясь, что на нас нет заразы, велел уменьшить срок нашего Карантина и перевести нас в город в дом к сослуживцу нашему Капитану над Портом, почтенному Телесническому, который оказывал нам всевозможные ласки.

После трехнедельного пребывания в Одессе, Главный Начальник Черноморского Флота приказал нам приехать в город Николаев, отстоящий от Одессы во 120 верстах.

Этот достойнейший Начальник Маркиз-де-Траверсе и супруга его обняли нас со слезами и оказали величайшее внимание. Турецкие паши, изъявив сожаление свое, что с нами так дурно поступали, раскланялись и ушли пред обедом, что быть не могут по той причине, что нам неприятно будет встречать тех одноверцев, которые так долго нас мучили.

Прожив с месяц в Николаеве, где почтенный Начальник ежедневно осыпал нас ласками, обмундировал нас и сверх прогонов дал денег на путевые издержки, мы отправились в С. Петербург и там с тою же снисходительностью и лаской были приняты бывшим тогда Министром Морских сил П.В. Чичаговым».

Михаила

Николая Клементия

Тов. в. л. п. у. Туркв. Се

1867. 9. 24

Деланный, и не только
 Дает на обстоятельство и участие,
 И тот же элемент, в том же смысле,
 Что в виде бытия и в природе.

(9) Писательство. Жизнь. Литературное дело.
имеет много особенностей при работе.
как и всякая другая работа, она требует
от писателя упорства и терпения. Писать
для писателя труднее, чем читать.
Всякий писатель должен уметь из-
ложить свои мысли.

Всехъ живыхъ отправлено мнѣ
 Свѣдѣніе 1866 г. изъ Казани о томъ
 послѣдней Божіей волю исполнить, по
 требованію въ 2-й разъ, и въ 3-й разъ
 отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою задержкою
 Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній Божій
 волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою задержкою
 Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній Божій
 волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою задержкою

1) Всѣмъ живымъ отправлено мнѣ
Свѣдѣніе 1866 г. изъ Казани о томъ

2) Послѣдней Божіей волю исполнить
по требованію въ 2-й разъ и въ 3-й разъ

3) Наслѣдств. съ нѣкоторою задержкою
Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній Божій

Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній Божій
 волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 и въ 3-й разъ отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою
 задержкою Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній
 Божій волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 и въ 3-й разъ отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою
 задержкою Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній
 Божій волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 и въ 3-й разъ отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою
 задержкою Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній
 Божій волю исполнить, по требованію въ 2-й разъ
 и въ 3-й разъ отъ Наслѣдств. съ нѣкоторою
 задержкою

4) Всѣмъ живымъ отправлено мнѣ
Свѣдѣніе 1866 г. изъ Казани о томъ

5) Послѣдней Божіей волю исполнить
по требованію въ 2-й разъ и въ 3-й разъ

6) Наслѣдств. съ нѣкоторою задержкою
Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній Божій

7) Свѣдѣніе о томъ, что послѣдній

ПРИЛОЖЕНИЕ

Послужной список мичмана Клементя Николая Михайловича*:

- 1795 г. мая 7. Поступил в морской корпус кадетом.
1802 г. мая 4. Произведен в гардемарины.
1802-1806 г. Ежегодно плавал от Кронштадта до Любека и Данцига.
1805 г. апреля 6. произведен в мичмана.
1806 г. На корвете «Флора» перешел из Кронштадта в Корфу и крейсировал в Адриатическом море.
1807 г. На том же корвете, при крушении у албанских берегов, был взят в плен, и заключен в константинопольскую тюрьму. По освобождении из плена прибыл в Николаев.
1808 г. Возвратился берегом из Николаева в Петербург.
1810 г. Определен в адъютанты к вице-адмиралу Сарычеву.
1811 г. февраля 1. Произведен в лейтенанты.
1817 г. октября 30. Уволен со службы чином капитана-лейтенанта.

Литература

- Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией. – СПб., 1857. – Т. 1. – С. 67-76, 111-112, 480-482.
Щербачев О. Афонское сражение, – М., 1945.
Давыдов Ю. Сенявин. – М., ЖЗЛ, 1972.
Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. – М.: «Крон-пресс», 1999.
Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). – М.: «Международные отношения», 1999.
Свиньин П. Воспоминания на флоте. – СПб., 1818-1819. – Ч. 1 – 3.
Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море. – М., 1954.

* Автор выражает признательность М.Е. Малевинской за предоставление послужного списка мичмана Н.М. Клементя

Научное издание

**Бюллетень Общества востоковедов
Приложение 2**

**Архивные материалы по истории взаимоотношений
России и Турции XVIII – XIX вв. (Выпуск 1)**

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 15.11.2004. Подписано к печати 29.11.2004.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 5.2. Уч.-изд. л. 5.5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 107

**Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12**

**Научно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев**

**Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
121019 Москва, ул. Знаменка, 11**